

Кучкин В.А.

Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата

238 лет монголо-татарского господства над Русью, казалось бы, должны были оставить многочисленные свидетельства о системе чужеземной власти в покоренных русских княжествах, но этого нет. Сохранились яркие описания карательных и репрессивных действий ордынских ханов, их темников и баскаков в отношении русского населения, от его низов до князей включительно, но сведения об организации, структуре, функциях, круге прав и обязанностей иноземных властителей приходится собирать буквально по крупицам.

В этой связи значительный интерес представляет сохранный русскими летописями рассказ о татарском баскаке Ахмате, в конце XIII в. подвизавшемся в Курском княжестве. Являясь одним из самых впечатляющих и страшных повествований о деяниях татар в подчиненных им русских землях, рассказ, написанный по горячим следам событий, содержит материал и о повседневной практике, обычной деятельности ордынской администрации на Руси, ее взаимоотношениях с местными князьями.

Внешне сюжет рассказа достаточно прост. Баскак Ахмат откупил в Орде право сбора дани с населения Курского княжества и собирал эту дань, творя "велику досаду" князьям и черным людям. Помимо этого во владениях князя Рыльского и Воргольского Олега он организовал две слободы. Их население опустошило окрестности Рыльска и Воргола. Князь Олег, договорившись со своим родственником князем Святославом Липовичским, отправился к хану Телебуге (кочевал в низовьях Волги) с жалобой на действия Ахмата. Телебуга дал своих приставов Олегу и велел вывести из Ахматовых слобод подвластных русским князьям людей, а сами слободы разогнать. Олег и помогавший ему Святослав так и поступили. Ахмат узнал о нападении на свои слободы в ставке другого ордынского хана — Ногая (кочевал в низовьях Дуная) и оклеветал русских князей перед Ногаем, заявив, что они ему враждебны. Он посоветовал хану послать в Рыльско-Воргольское княжество сокольников, которые должны были там заняться обыч-

ным делом — ловлей лебедей, но одновременно передать приглашение Олегу приехать к Ногаю. В случае отказа русского князя следовало, что он что-то замышляет против Ногай и является его врагом. Сокольники были посланы, известили Олега о ханском желании видеть его, но тот к Ногаю не поехал. Сам рыльский князь за собой вины не чувствовал, однако его родственник и союзник князь Святослав действительно напал на одну из Ахматовых слобод ночью и разграбил ее. Опасаясь, что ему придется отвечать за Святослава, Олег остался дома. Неявка русского князя убедила Ногай, что тот непокорен ему. На Русь была отпущена татарская рать. 13 января эта рать подошла к Ворголу. Олег бежал от ногаевых татар к хану Телебуге, а Святослав укрылся в Воронежских лесах. Половина татарской рати бросилась в погоню за князьями, а другая половина опустошила их воргольские, рыльские и липовичские владения. Это продолжалось 20 дней. Ахматовы слободы были вновь наполнены людьми, туда было свезено награбленное добро, 13 старейших бояр Олега и Святослава попали в плен. Когда вернулась погоня, видимо, возглавлявшаяся самим Ахматом, ему были выданы эти бояре. Ахмат устроил им публичную казнь, свидетелями которой стали случайные гости-паломники, насильно, как и другие люди, приведенные на место казни. Бояр повесили на деревьях, отрубили им головы и правые руки. Татарские всадники привязали головы убитых к своим седлам, отрубленные руки положили в сани и двинулись от Воргола к селу Турову. намереваясь *“послати по землемъ головы и рѹкы боярскыя”*¹. Но устрашающая акция не удалась, потому что все русское население разбежалось. Не сумев захватить ни одного князя, Ахмат с татарским войском ушел в Ногаеву Орду, а в слободах оставил двух своих братьев.

Через некоторое время оба брата вместе с несколькими десятками русских отправились из одной слободы в другую. Об этом узнал липовичский князь Святослав, подстерег на пути и разбойно напал на них. 25 русских и 2 татарина были убиты, но Ахматовы братья сумели спастись. После пасхи, в Фомину неделю братья побежали в Курск, а в понедельник разбежалось все население Ахматовых слобод. Вскоре от хана Телебуги вернулся князь Олег. Узнав о случившемся, он обвинил Святослава в нарушении их договора. Поскольку действия Святослава были разбойными, он предложил ему ехать или к Ногаю, или к Телебуге для оправдания. Святослав не захотел слушать Олега и ни к кому не поехал.

Между русскими князьями произошел разрыв. Получив помощь от татар, Олег убил по ханскому повелению Святослава. В отместку брат Святослава Александр убил князя Олега и его двух сыновей. Таковы были трагические события, разыгравшиеся в Курском и соседних с ним княжествах.

Все крупные русские историки, начиная с В. Н. Татищева, не проходили мимо этого летописного повествования и излагали кровавые происшествия в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах в своих "Историях". Источники при этом использовались разные. В. Н. Татищев, например, с очень редкими сокращениями переписал текст Никоновской летописи, заменив (правда, не строго последовательно), слова "царь", "царский" своего источника на "хан" и "ханский". Сохранился даже тот список Никоновской летописи, который использовал для своего труда В. Н. Татищев — Академический XV². Тем не менее при цитировании этого списка в "Историю Российскую" вкрались разного рода ошибки и неточности, искажившие смысл повествования.

Так, о русских князьях Олеге Рыльском и Воргольском и его родственнике Святославе Липовичском у В. Н. Татищева говорится, что "бываша же и разбои от них в слободах тех Ахматовых баскака Курского княжения, избываше множицею от Ахмата и паки смиряхуся меж собою со Ахматом..."³. "Избываше" было прочитано вместо правильного "извет им бываше"⁴. Во фразе "А воевод своих в слободах оставя два брата своя и с ними татар..."⁵ слово "воевод" получилось из неправильно прочитанных в источнике слов "во двоих"⁶. Вместо "избылъ съ всѣми бояры"⁷ в "Истории Российской" читается "и был со всеми бояры"⁸. Возможно, что все это ошибки переписчиков XVIII в., плохо разбиравших текст татищевского оригинала. Иногда же не понимался и смысл сказанного в этом оригинале — Никоновской летописи, и тут была вина уже не переписчиков, а историка. Вместо "И кая ми есть въ семъ ѹкоризна отъ бога и отъ челоувѣкъ, поганыхъ кровопивцевъ избивати?" Никоновской летописи⁹ у В. Н. Татищева читается "И кая ми есть в сем ѹкора ни от бога, ни от челоувек, поганыхъ кровопивцов избивати?"¹⁰. Отрицание "ни" в татищевской "Истории" явно излишне. В Никоновской летописи приведены слова князя Олега Рыльского и Воргольского, обращенные им ко князю Святославу Липовичскому. "А вѣси самъ, брате, обычан татарскыи, а и ѹ насъ въ христианехъ не добро есть не-

правда и разбой..."¹¹. Вместо этого у В. Н. Татищева читается нечто иное: "Беси, брате, яко сей обычай есть татарский, а у нас в христианех не добро есть неправда и разбой...."¹² В Никоновской летописи речь шла о том, что татары обвиняли князя Святослава в разбое и требовали суда над ним. Это и говорил ему Олег, ссылавшийся на то, что неправда и разбой осуждаются не одними татарами, но и русскими тоже. У В. Н. Татищева же получилось, что разбой — это обычай татар. Было ли это результатом умышленного редактирования или простой небрежности, сказать трудно. Но в результате неточной передачи текста Никоновской летописи рассказ В. Н. Татищева приобрел несколько новых деталей и иногда иную окраску по сравнению со своим источником XVI в.

В основном по Никоновской летописи излагал историю Ахматовых слобод в Курском княжестве и М. М. Щербатов. В его "Истории Российской от древнейших времен" эта история описана под 1284 и 1285 гг., т.е. датирована точно так же, как только в одной Никоновской летописи¹³. К Никоновской летописи восходят упоминаемые М. М. Щербатовым Горгал (вместо Воргол), Тимур, будто бы командовавший вместе с Ахматом карательной экспедицией хана Ногая, рязанские леса, где прятался от этой экспедиции князь Святослав Липовичский, и т.д.¹⁴

В сносках М. М. Щербатов прямо упоминает Никоновскую летопись, но привлекает и другие летописные памятники, иногда сравнивая их с Никоновской летописью и отдавая им предпочтение в отдельных частностях¹⁵. Эти летописные памятники М. М. Щербатов изучал по рукописям. То были летописные своды XVI в. Один из них может быть указан: это Типографская летопись, изданная в 1921 г. по списку Синод, № 789¹⁶. У М. М. Щербатова она фигурирует как рукопись Типографской библиотеки N 57 в 4^о¹⁷.

Относительно кратко и точно изложил происшествие в Курском и соседних с ним княжествах Н. М. Карамзин¹⁸. Он не увлекся, как его предшественники, подробностями, содержащимися в одной лишь Никоновской летописи, хотя эту летопись и знал¹⁹. Судя по довольно пространным выпискам из Троицкой летописи, именно этот памятник начала XV в. был положен Н. М. Карамзиным в основу своего пересказа истории Ахматовых слобод²⁰. Об этом может говорить и принятая Н. М. Карамзиным хронология событий: 1283 — 1284 гг., а не 1284 — 1285 гг., как в Никоновской летописи²¹. Но Н. М. Карамзин пользовался еще и Воскресенской летописью, а также Никоновской²². Однако ни в

той, ни в другой устроитель слобод в Рыльском и Воргодском княжестве Ахмат не называется хивинцем. А именно с таким определением фигурирует он в "Истории" Н. М. Карамзина²³. Сомнительно, чтобы так читалось и в Троицкой летописи. Возможно, что Н. М. Карамзин назвал Ахмата хивинцем по каким-то своим соображениям. Во всяком случае, известные в настоящее время летописные своды такой детали не содержат.

В отличие от своих предшественников, Н.С. Арцыбашев построил свое изложение действий баскака Ахмата в Курском княжении исключительно на опубликованных источниках. В основу он положил рассказ в "Летописце, содержащем Российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534...", напечатанном в Москве в 1784 году²⁴. Под таким названием тогда была издана Типографская летопись²⁵. Помимо нее, Н.С. Арцыбашев использовал Троицкую летопись по выпискам в "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина, Воскресенскую летопись в издании 1793 г., опубликованную в 1786 году третью часть Никоновской летописи²⁶. При этом все поздние искажения, читавшиеся в Типографской летописи, перешли в "Повествование" Н.С. Арцыбашева. Так, там указывалось, что население Ахматовых слобод razорило окрестности Курска и Воргола, а не Рыльска и Воргола, что князь Олет был не только князем Рыльским и Воргольским, но и Курским²⁷ и т.д. С другой стороны, к чести Н.С. Арцыбашева надо сказать, что он не воспользовался многочисленными псевдо-реалиями, содержащимися в рассказе Никоновской летописи, и обращался к этому источнику довольно редко, помещая в примечаниях наиболее интересные, с его точки зрения, дополнения этого свода, в частности, о немецких и цареградских купцах, бывших свидетелями репрессий Ахмата²⁸. Н.С. Арцыбашев стал первым историком, который обратил внимание на действия в Курском и соседних с ним княжествах представителей двух ордынских ханов: "Олег был данником Телебуги; Ахмат же, видно, принадлежал Ногаю"²⁹. Впрочем, каких-либо заключений более общего характера из этого наблюдения Н.С. Арцыбашев не сделал.

Казалось бы, наметившаяся в трудах М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и Н.С. Арцыбашева тенденция привлечения и сличения между собой рассказов об Ахматовых слободах в различных памятниках летописания должна была получить свое дальнейшее развитие в трудах последующих исследователей. Однако этого не произошло. С. М. Соловьев, например, воспользовался рассказом только Никоновской летописи. Оттуда он почерпнул такие сведения, как то, что Ахмат был сыном Темира, что Олег Рыльский и Воргольский вместе со Святославом Липовичским неоднократно

нападали на Ахматовы слободы, что Святослав “побежал в Рязанское княжество в леса воронежские”, что одежды убитых русских бояр были отданы купцам немецким и царьградским, что Святослав убил посла Ахмата. Выписанной из Никоновской летописи оказалась и сентенция, согласно которой “малая эта повесть может исторгнуть слезы у разумного человека”³⁰. Как историк, С. М. Соловьев оказался гораздо выше своих предшественников, рассматривая события в Курском и соседних княжествах на фоне борьбы двух ордынских ханов: Ногай и Телебуги³¹, но как историк-источниковед он сделал шаг назад.

В трудах ученых последующего времени, интересовавшихся уже не общей картиной татарских действий в районе Курска, Рыльска и Воргола, а более узкими проблемами локализации названных в рассказе географических объектов, использовались повествования разных летописных сводов. Так, А. И. Бунин привлек для решения изучавшихся им историко-географических вопросов Лаврентьевскую летопись, Воскресенскую, Никоновскую, Львовскую летопись по изданию Н. Львова, летопись, служащую продолжением Нестора, а также “Историю Российскую” В. Н. Татищева³². Публикация Н. Львова имела место в 1792 г.³³. Уже после выхода в свет статьи А. И. Бунина Львовская летопись была переиздана в серии “Полное собрание русских летописей”³⁴. Летопись, кратко названная А. И. Буниным продолжением Нестора, является Типографской летописью³⁵. Таким образом, А. И. Бунин опирался на тексты пяти различных летописных сводов. К сожалению, им не было выяснено, какой же из этих сводов содержит древнейший рассказ о слободах татарского баскака Ахмата. Судя по упоминанию в статье А. И. Бунина села Турова, исследователь опирался на текст Лаврентьевской летописи, что было правильно³⁶. Однако ссылки А. И. Бунина на то, что “при обозначении местностей, в которых жители Ахматовых слобод производили грабежи, в летописях они перечисляются в таком порядке: Курское княжение, окрестности Воргла, окрестности Рыльска и окрестности Липецка....”³⁷, что слободы Ахмата “были поселены на землях княжеств Рыльско-Воргольского и Липецкого”³⁸, свидетельствуют о том, что он основывался больше на тексте Никоновской летописи, единственного памятника, где содержались подобного рода сведения³⁹. Однако все эти сведения (за исключением указания на Курское княжение, которое будто бы опустошалось жителями Ахматовых слобод; оно впервые появилось в источнике Никоновской летописи — Московском своде конца XV в.) возник-

ли лишь под пером составителей Никоновской летописи, о чем речь пойдет ниже. Основываться на этих деталях, получившихся при редактировании текста в XVI в., для характеристики событий XIII в. невозможно. Не исследовав соотношения привлеченных им для изучения летописных текстов, не выявив древнейшего из них и не основываясь на нем при своих конкретных изысканиях, А. И. Бунин подлил полновесную ложку дегтя в свое в целом весьма скрупулезное и тщательное исследование.

Занимавшийся сходным сюжетом П. В. Голубовский (он искал упомянутый в летописном рассказе об Ахматовых слободах город Воргол), основывался на одной только Воскресенской летописи, причем, и по неведению, и по невезению, сослался именно на то место этого памятника, которое подверглось правке еще в источнике Воскресенской летописи — Московском летописном своде XV в.⁴⁰. Впрочем, у исследователей не пропадал интерес и к целостной исторической характеристике событий в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжениях, вызванных действиями курского баскака Ахмата. Так, М. С. Грушевский оценивал эти события с точки зрения положения народных масс и правивших ими князей в русских землях, подпавших под иноземное владычество⁴¹. Для воссоздания конкретной картины происшедшего известный историк использовал Лаврентьевскую, Воскресенскую и Никоновскую летописи. Поскольку в начале XX в. значение Лаврентьевской летописи как одного из древнейших памятников русского летописания стало вполне очевидным, М. С. Грушевский пользовался преимущественно этой летописью⁴², однако он привлекал еще Воскресенскую и Никоновскую летописи. Текст Воскресенской летописи он считал аналогичным (“буквально подібне”) тексту Лаврентьевской летописи, только более полным, сохранившим начало рассказа⁴³. Действительно, рассказ Воскресенской летописи отличался большей полнотой, потому что в Воскресенской летописи сохранилось его начало, отсутствующее в Лаврентьевской. Но говорить о буквальной схожести текстов Воскресенской и Лаврентьевской летописей не приходится. Как можно будет убедиться ниже, текст Воскресенской летописи подвергся переделкам по сравнению с текстом Лаврентьевской летописи, и переделкам достаточно существенным. Что касается своего третьего источника — Никоновской летописи, то М. С. Грушевский справедливо отметил в ее рассказе об Ахматовых слободах наличие поздних добавлений и амплификаций⁴⁴, которые, естественно, заставляли настороженно относиться к сообщаемым ею сведениям.

Тем не менее, зная о недостоверности некоторых приводимых Никоновской летописью фактов, М. С. Грушевский воспользовался известиями названного свода. При этом, не предприняв тщательной текстологической проверки таких известий, исследователь принял за реальные явно поздние и ошибочные указания Никоновской летописи. Так, в "Історії України-Руси" утверждается, что липовичский князь Святослав ездил к хану Телебуге⁴⁵ (на самом деле такая версия появилась только в XVI в. под пером составителей Никоновского свода), приводится и данная в Никоновской летописи характеристика организации сбора ордынской дани в русских княжествах⁴⁶, хотя такая характеристика не вполне отвечала реалиям XIII в., она, скорее, отразила представления о порядке выплаты татарского "выхода" в прежние времена московских книжников XVI в.

В советское время рассказ о событиях в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжениях тщательно проанализировал А. Н. Насонов. Его интересовали прежде всего функции татарских баскаков, их реальная деятельность, а также выяснение того факта, кто из соперничавших татарских ханов — Ногай или Телебуга, распоряжался в Курском и соседних с ним княжествах. Тонкий знаток русских летописей, А. Н. Насонов при воссоздании событий, связанных с деятельностью курского баскака Ахмата, опирался исключительно на древнейшие тексты Лаврентьевской и Симеоновской летописей⁴⁷. Используя восточные источники, А. Н. Насонов по-новому датировал сами события⁴⁸. Исследователь только едва ли прав в определении объема власти в Курском, Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах ханов Телебуги и Ногая⁴⁹. Впрочем, этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, и к нему можно будет вернуться в конце статьи.

В появившихся после Великой Отечественной войны коллективных многотомных трудах по истории СССР эпизод с курским баскаком Ахматом и двумя его слободами всегда находил освещение. Правда, описывался этот эпизод очень кратко, зато весьма своеобразно. Так, в "Очерках истории СССР" о событиях в Курском и соседних с ним княжествах было напечатано следующее: "Значение этих народных выступлений огромно. Они заставляли татарских правителей искать иных форм управления Русью — одного террора уже было недостаточно. Об этом свидетельствуют факты, относящиеся к Курскому княжеству, где в конце XIII в. татарский баскак Ахмат своей жестокой политикой вызвал

всеобщее возмущение, приведшее к разгрому татарских слобод. Хотя Ахмат и утопил в крови местное антитатарское движение, но сам после этого “не сме жити в Руси... и поиде в Орду, держася рати татарскыа”. Именно волна народных восстаний пробила первую брешь в татарском иге, она смела существовавшую систему откупов, заставив в конце XIII в. золотоордынских ханов передать сбор “выхода” из рук “даныщиков”-откупщиков самим русским князьям, а в начале XIV в. — отказаться и от системы баскачества⁵⁰. Единственная цитата из источника, если не подтверждающая, то хотя бы иллюстрирующая высказанные в этом пассаже мысли, взята из Симеоновской летописи⁵¹, хотя правильнее было бы использовать более древнюю Лаврентьевскую летопись, где соответствующее место читается несколько иначе: “не смѣ оставити (остати) в Р҃си... и поиде в Татары, держася полку Татарского”⁵². Но дело не в этом, точнее, не только в этом. В “Очерках” утверждается, будто действия Ахмата вызвали народное восстание, и далее делается заключение, основанное на таком утверждении. Между тем, в летописном рассказе об Ахмате нет никаких намеков на народное движение в Курском и соседних с ним княжествах. Наоборот, бегство населения от пришедших из ногаевой Орды карателей, уход населения Ахматовых слобод из-за нападения Святослава Липовичского ясно свидетельствуют об отсутствии у этого рядового населения какого-либо собственного организующего начала, способного поднять народ на активную борьбу против иноземных или своих притеснителей. Резкое столкновение имело место не между татарами и подвластным им русским населением, а между татарским баскаком и двумя русскими князьями, причем их соответственно поддерживали два могущественных враждовавших между собой ордынских хана. Конечно, такое противостояние вовлекало в конфликт и рядовых людей, что было делом обычным, но это не являлось проявлением классовой борьбы.

К сожалению, данная в “Очерках истории СССР” оценка случившегося в конце XIII в. в Курском и соседних с ним княжествах нашла отражение и в более позднем многотомном издании — “Истории СССР с древнейших времен до наших дней”. “Несмотря на истощавшие княжеские усобицы, русский народ не прекращал освободительной борьбы. В конце XIII в. произошли волнения в Курском княжестве, где чинил произвол ханский баскак Ахмат. Куряне во главе с князем Святославом напали на сло-

боду, устроенную татаро-монголами неподалеку от города Воргола. Ахмат пожаловался хану. Вскоре из Орды прибыл отряд, подвергший жителей Курского княжества жестоким карам” — так сжато были охарактеризованы в этом издании события, связанные с деятельностью баскака Ахмата⁵³.

Первая фраза процитированного отрывка отдавала дань идеям, впервые высказанным в “Очерках”. Правда, последующее изложение с этой фразой-заголовком связывалось плохо, поскольку нападение князя Святослава трудно было оценить как проявление освободительной борьбы русского народа. Другим серьезным минусом написанного в “Истории СССР” было полное игнорирование первоисточников, отсутствие сверки с ними и корректировки по ним. В результате появились утверждения явно фантастического характера. События разыгрывались не в Курском княжестве, вопреки утверждению издания 1966 г., а в основном в Рыльско-Воргольском и Липовичском. Куряне не участвовали в нападении князя Святослава, он не был курским князем. Слобод было две, а не одна. Карательный отряд действительно прибыл из Орды, но не из Орды сарайской, волжской, с которой обычно и отождествляется само понятие Орда, а из Орды Ногай. Этот отряд подверг разграблению и карам жителей не Курского княжества, а население Рыльско-Воргольского и Липовичского княжеств. Курск, как видно из описания последующих событий, служил оплотом татарской власти, там нашли убежище два брата баскака Ахмата.

В 1992 г. появилась статья молодого французского исследователя М. Кавыршина, специально посвященная анализу летописных рассказов об Ахматовых слободах и воссозданию реального хода событий в Курском и соседних с ним княжествах во времена ордынских ханов Телебуги и Ногай⁵⁴. Автор дал достаточно подробную, хотя и не полную историографию вопроса, произвел сравнение между собой всех статей о курском баскаке, содержащихся в летописных сводах XIV—XVII вв., установил зависимость между рассказами, а на основе древнейших свидетельств попытался уточнить хронологию и географию происшедшего. Такой подход к изучению вопроса о действиях татар в одном из русских регионов следует признать единственно верным, однако исследованию М. Кавыршина буквально во всем не хватает точности. В историографическом разделе его статьи нет анализа того, какими именно источниками пользовались историки, писавшие о событиях в Курском, Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах, какие факты из них извлекали и соответствовали ли эти даты свидетельствам старших версий повествования. Некоторое исключение было

сделано только для В.Н. Татищева. Классификация летописных текстов была произведена не по всем, а по наиболее показательным признакам. Это не позволило М. Кавыршину отделить тексты Московского свода конца XV в. от текстов Типографской и Воскресенской летописей, установить все источники Никоновской летописи, точно определить источник Пискаревского летописца. Хронология событий дана по времени правления хана Телебуги, т.е. заключена в весьма широкие рамки. Нуждается в уточнении и продолженная М. Кавыршиным географическая локализация упоминаемых прямо или косвенно в летописных повествованиях пунктов. Но несмотря на эти недостатки, работа М. Кавыршина впервые предлагала комплексное решение проблемы, причем решение во многом верное, и стимулирующее значение исследования французского ученого достаточно велико.

Предпринятый историографический обзор трудов, в которых анализировались летописные рассказы о слободах Ахмата, обнаруживает большие колебания исследовательской мысли, выражающиеся как в общей оценке событий, связанных с деятельностью курского баскака, так и в описании конкретного хода этих событий, причем разница в изложении фактов объясняется нестрогим выбором летописных текстов, в которых есть явно придуманные детали. Такие колебания объективно свидетельствуют о необходимости детального сличения всех рассказов об Ахматовых слободах в различных русских летописных сводах, определения древнейшего текста или текстов и воссоздания на этой основе всех подробностей происшедших событий. Такая работа становится возможной лишь после предварительного изучения русских летописных памятников, установления их текстологических связей между собой, времени появления и характера различных редакционных переработок. Основу подобного исследования заложили выдающиеся работы А. А. Шахматова, написанные им в конце XIX — начале XX в. Примерно в то же время были открыты и новые памятники, содержавшие повествование о событиях в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах. Так, в 1913 г. увидела свет Симеоновская летопись, после утраты бывшей в руках Н. М. Карамзина Троицкой летописи начала XV в. содержащая самый ранний полный рассказ об Ахматовых слободах⁵⁵. Несколько раньше была издана Ермолинская летопись, где читалась переделка этого рассказа, предпринятая в XV в.⁵⁶ Поздний вариант этой переделки сохранила Львовская летопись, переизданная в один год с Ермолинской⁵⁷. В середине нашего столетия

был издан Московский свод конца XV в.⁵⁸, воспроизводивший текст составленного в Москве более раннего свода 1479 г., оказавшего большое влияние на такие летописные памятники XVI в., как Типографская и Воскресенская летописи. В первой половине 60-х гг. XIX в. были опубликованы своды 1497 и 1518 гг.⁵⁹, увидел свет Владимирский летописец⁶⁰. В 1978 г. был напечатан Пискаревский летописец⁶¹.

Введение в научный оборот новых памятников летописания, где под 1283 — 1284 гг. читается рассказ об Ахматовых слободах, установленная А. А. Шахматовым и скорректированная последующими исследователями общая схема русского летописания позволяют определить первоначальный текст описания и на его основе воссоздать события времен ханов Ногая и Телебуги.

Описаны эти события в летописях Лаврентьевской⁶², Симеоновской, Московском своде конца XV в., Ермолинской летописи, Владимирском летописце, Типографской, Никоновской, Воскресенской⁶³ и Львовской летописях, Пискаревском летописце.

Самой ранней из них является Лаврентьевская летопись, представляющая собой свод 1305 г., переписанный в 1377 г. монахом Лаврентием. К сожалению, рассказ об Ахматовых слободах в этой летописи дефектен. Статья 1284 г. читается полностью, но предшествующая ей статья начинается с букв “мници” (“/поло/мници”), и сохранившийся текст, если сравнивать его с текстом Симеоновской летописи, составляет всего 1/3 текста статьи 1283 г. указанной летописи. Дефект Лаврентьевской летописи чисто механический, в ней утрачено несколько пергаменных листов, где описывались события 1263 — 1283 гг. и, в частности, те листы, на которых помещался текст с началом рассказа о происшествиях в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах. Тем не менее и сохранившаяся часть рассказа в Лаврентьевской летописи представляет большую ценность. Сравнение этой части с Симеоновской летописью, наиболее близкой Лаврентьевской, показывает, что рассказ в последней сохранил более древние черты. Так, при описании зверств карательной экспедиции Ахмата во владениях князей Олега Рыльского и Святослава Липовичского в Лаврентьевской летописи говорится, что татары, обезглавив уже убитых бояр, стали привязывать “головы боярьскыя к тороком”, а в Симеоновской — “головы тѣ къ торомъ боярьскыя”⁶⁴. Речь идет о ремешках, которые назывались тороками, но не торами. В Лаврентьевской читается “зане вся волость изънима-

на", "няти ни единого князя", "норовъ", "цесарю", "послѣди же", а в Симеоновской соответственно "все княжение изымано", "изнимати ни единого же князя": "обычан", "царю", "и потомъ", что указывает на сохранение в Лаврентьевской летописи более древней лексики⁶⁵. В Лаврентьевской написано "ходити нама" (обращение князя Олега к Святославу), а в Симеоновской — "ходити намъ"⁶⁶; в последней фразе древнее двойственное число заменено на множественное. В этом отношении показательно и другое выражение Лаврентьевской летописи: "оставя брата своя" (родительный падеж двойственного числа), чему в Симеоновской соответствует фраза "оставилъ два брата своя"⁶⁷, т.е. двойственное число сохранено, но для пояснения вставлено слово "два", свидетельствующее о том, что во времена составления Симеоновской летописи двойственное число воспринималось уже с трудом, необходимо было уточняющее разъяснение.

Помимо лексических и грамматических отличий, следует указать те разночтения между двумя летописями, которые ведут к различному пониманию содержащихся в их рассказах реалий. В Лаврентьевской летописи, например, указывается, что татары, опустошив Воргол, оставили его и "пришедше в село в Туровъ,"⁶⁸. В Симеоновской летописи это место читается иначе: "пришедше въ села и потомъ въ Туровъ"⁶⁹. Составитель Симеоновской летописи отделил Туров от села, из одного сделал несколько сел и Туров противопоставил им, очевидно, полагая, что речь идет о городе Турове. Но тогда получается, что из района Рыльска и Воргола татары двинулись далеко на северо-запад к стоявшему в среднем течении Припяти, правого притока Днепра, Турову. Такой фантастический маршрут вскрывает ошибочность переделки процитированного места в Симеоновской летописи. Тем самым лишний раз выясняется правильность сообщения древнейшего текста Лаврентьевской летописи.

Лаврентьевская содержит упрек, брошенный князю Святославу Липовичскому Олегом: "...Не идешь ни к своему цесарю, ни к Ногою"⁷⁰. Под "своим цесарем" разумелся хан Телебуга, противник Ногая, поддерживавший Олега и Святослава в их борьбе со ставленником Ногая Ахматом. В Симеоновской летописи вместо этого ошибочно читается "не идешь ни къ своему царю къ Ногою"⁷¹. Пропуск еще одного "ни" ("ни къ Ногою") привел к то-

му, что “своим” ханом для Святослава стал не Телебуга, а Ногай, хотя все содержание повествования в Симеоновской летописи говорило об обратном.

Заключительная фраза рассматриваемого рассказа в Лаврентьевской летописи звучит так: **“Послѣди же Святославль братъ Олександръ оуби Олга и два сына его мала, и еще на мьстѣ створи ся радость дьяволу и его поспѣшнику Ахмату”**⁷². Древний летописец указывал, что брат Святослава Александр убил Олега и двух его сыновей в отмщение за убийство Олегом Святослава, и отмечал, что эта месть доставила дополнительную радость дьяволу и Ахмату (**“еще на мьстѣ”**). Совсем иной вид имеет заключительная фраза в Симеоновской летописи: **“И потомъ братъ Святославль князь Олександръ уби князя Олга и Давыда, сына его, на единомъ мѣстѣ, и сътворися радость днаволу и его поспѣшнику бесерменину Ахмату”**⁷³. Под пером позднейшего редактора “два сына его” превратились в **“Давыда сына его”**, причем можно понять, как это произошло. Очевидно, число 2 (“в”, как оно читается в Лаврентьевской летописи), было передано словом, но над ним машинально было поставлено титло, перенесенное с цифры. Получилось “два”, что является аббревиатурой слова “Давыда”. Следующий переписчик раскрыл аббревиатуру, превратив при этом уже без всяких изменений слово “сына” из винительного падежа двойственного числа в винительный падеж единственного числа. Выражение **“еще на мьстѣ”**, т.е. “еще на мести” было понято как указание на какое-то место. При таком толковании наличие наречия “еще” стало неуместным. Оно было снято, но зато добавлено, что Олег и его сын были убиты **“на единомъ”** месте, что совершенно не вяжется со смыслом сказанного в Лаврентьевской летописи. Искажение смысла последней прослеживается еще в одном месте Симеоновской летописи, где об уходе Ахмата говорится следующее: **“Понде в Орду, держася рати татарскыа, и уставнша ясакъ, съ которого стану человекъ и потнѹтъ и”**⁷⁴. Заключительные слова фразы малопонятны. Утверждается, что Ахмат с татарской ратью ввели ясак, под которым здесь разумеется охрана, и если с какого-то стана был человек, то его убивали. В Лаврентьевской летописи данное место рассказа читается иначе: **“и понде в Татары, держася полку татарского, а с которого стану двигнѹтся потнѹтъ человекъ”**⁷⁵. Смысл здесь ясен: Ахмат уходил к Ногаю с

его войсками, а в станах (местах остановок этого войска), когда татары уходили, то убивали людей. Очевидно, поздними летописцами это место было понято плохо, и они исказили его при переписке или редактировании. Тем самым стали меняться и реалии древнего рассказа.

Конечно, сохранившийся фрагмент этого рассказа в Лаврентьевской летописи не свободен от более поздних добавлений и искажений. Так, после фразы *“вставиша на сани”* в Лаврентьевской летописи читаются слова *“черны съ русину”*⁷⁶. Таких слов нет ни в одной другой летописи. В Лаврентьевской они разрывают связный текст, что обнаруживает их вставочный характер. Очевидно, это была помета на полях того оригинала, который в 1377 г. переписывал Лаврентий. Судя по всему, он и включил эту маргинальную глоссу в текст повествования, нарушив тем самым его последовательность. Но в целом текст Лаврентьевской летописи и с точки зрения языка, и с точки зрения передачи исторических реалий древнее всех других летописных текстов, и при воспроизведении событий XIII в. в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах он должен быть положен в основу анализа.

Текст же Симеоновской летописи, точнее, близкого к ней свода, отразился в Московском своде 1479 г., использованном, в свою очередь, в Московском своде конца XV в. Сравнение текстов Симеоновской летописи и свода конца XV в. показывает, что в последнем рассказ об Ахматовых слободах подвергся стилистической и грамматической обработке, из него был выпущен ряд мест, читавшихся в Симеоновской летописи, что привело к утрате ряда реалий. Так, если в Симеоновской летописи читается *“чернымъ людемъ”*, то в Московском своде вместо этого стоит *“всѣмъ людемъ”*, *“того же дѣля”* Симеоновской соответствуют слова *“про то же н”* Московского свода; слова *“не князя, но разбойника еста”* (двойственное число) Симеоновской заменены в Московском своде на множественное число: *“не князи, но разбойники”*; вместо слов Симеоновской летописи *“бояръ изниманныхъ и черныхъ людеи”* в Московском своде читается *“бояръ тѣхъ, ихъ же изнимаше, и прочихъ иныхъ людеи”*, а вместо фразы *“а что изымано будетъ черныхъ людеи и съ женами, и з дѣтми, то все попровадилъ прочь”* — *“что же оканни ти помаша людеи, тѣхъ всѣхъ в полонъ поведоша и с женами и з дѣтми”*, фраза Симеоновской ле-

тописи “хлѣбъ въ уста не идеть отъ страха” заменена в Московском своде на фразу “руганне окаанных православному християнству”⁷⁷. Эти лексические и стилистические переработки при всей кажущейся их незначительности тем не менее привели к ликвидации в рассказе упоминания черных людей — особой категории зависимого от княжеской власти населения, которая страдала от действий татар в Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах.

Другие редакционные изменения в Московском своде вели к искажению фактов, имевших место в южнорусских землях. Так, если Симеоновская летопись фиксировала опустошения, производившиеся жителями двух Ахматовых слобод, “около Воргола и около Рылска”, то в Московском своде район опустошений указывался иной: “около Ворлога и около Курьска”⁷⁸. В Симеоновской летописи приход карательной рати хана Ногая датирован с подробностями: “придоша Татарове ратью къ городу Варгүлү мѣсяца генваря въ 13, по Крещенин господни”⁷⁹. Вместо этого в Московском своде читается: “придоша татарове ратью к городу Ворлогу генваря 13”⁸⁰. Здесь опущены некоторые хронологические определения, имевшиеся в более раннем тексте. По-разному в обоих памятниках описана сцена казни Ахматом захваченных в плен русских бояр.

Симеоновская летопись

“Онн же повелн нхъ бояръ, бяше бо приведено на побонще то много множество люден, скованы по два въ немецкыхъ желѣзѣхъ; бяху бо изымани поломници нѣцин гости; егда же изби бояръ, и повелѣ поломници тѣ пүстити, а порты повелѣ дати паломником избитыхъ бояръ, река имъ: “Вы есте гости поломници, ходите по землям, тако молвите: кто иметь держати споръ съ своимъ баскакомъ, такоже ему и бѹдетъ”⁸¹.

Московский свод конца XV в.

“Бѣ же привезено тѹ много люден, и бояре скованы, на всѣхъ по двои желѣза немецкые, и повиша тѹ бояръ. Бѣ же тѹ поимани и переходци, нже ходятъ по землямъ милостыни просяще, и тѣхъ тогда отпүстиша, а подаваша имъ порты избитыхъ

бояръ и рекоша имъ: “Ходяще по землям, тако глаголите: кто имет споръ держати съ своимъ баскакомъ, сице же ему вудеть”⁸².

Сравнение показывает, что в Московском своде текст переделан. Если в Симеоновской летописи речь идет о людях, скованных по два, то в Московском своде — о двойных кандалах на боярах. Если Симеоновская летопись упоминает гостей-паломников, то в Московском своде слово “паломники” заменено словом “переходцы” и они представлены людьми, просящими милостыню. Поэтому-то М. М. Щербатов и писал о нищих, которые упоминаются во многих летописных сводах XVI в. Так, в Московском своде под пером позднейшего сводчика возникали иные реалии, которые тем не менее принимались за истинные историками нового времени.

В том же своде оказался выпущенным текст от слов “и начаша бесермена вязати головы тѣ” до слов “но то оставим” включительно⁸³. Вместо этого читается одна фраза: “Сътворише же се зло в Курьскѣ и въ прочих градѣхъ тѣхъ, пондоша прочь”⁸⁴. Таким образом, в Московском своде уже не говорилось об у страшении населения, которое задумывалось татарами, намеревавшимися демонстрировать отрезанные головы и руки казненных бояр, об их пути от Воргола к Турову, но зато вставлена фраза о “зле” в Курске, хотя это татарское “зло” собственно Курска не коснулось. Выпущена в Московском своде и фраза Симеоновской летописи об уходявшем к Ногаю Ахмате: “держася рати татарскыя и ұставиша ясак”⁸⁵, являвшейся, в свою очередь, переделкой слов Лаврентьевской летописи. Изменено в Московском своде и начало статьи 1284 г. Она начинается так: “Два оны бесерменина, ихъ же остави Ахмат, идоста из своводы в своводу в недѣлю Фомину, а Рүси с ними боле 30 человекъ. Слышавъ же то липецкон князь Святославъ и ста на пути с мұжи своими, стерега их; егда же пондоста она, и тогда ударн на них разбоемъ, и ұби ту Рүси их 25 да два бесерменина, а тѣ два брата Ахматова утекоста къ Курьску, а наутрѣи развегостеса обѣ, своводы ты бесерьменьские”⁸⁶. В Симеоновской же летописи начало иное: “Два бесерменина изъ своводы въ другую идоста, а Рүси съ ними боле 30 человекъ. Се же слышавъ липецкии князь Святославъ,

сдѣлавъ съ своими бояры и з дружиною, безъ Олговы дѣмы, достерегся на пѣти, развон сътвори. Самѣ два братеника та ѹтекоста. а Рѹси извиль 25, да два бесерменина. Се сътвори князь единъ безъ Олга, и творяшеся добро ѹчинилъ, а на большѹю пакость Олгу и себѣ, еже послѣдѣ скажемъ. Того же лѣта по Велицѣ дни въ недѣлю Фомиу повѣгоста два братаника бесерменина х Курьскѹ, наѹтриа въ понедѣльникъ розбѣжася вся свобода та, тако же и другая, и обѣ свободѣ тѣ разбѣгостася бесерменскыя”⁸⁷. По Московскому своду получается, что переход двух братьев Ахмата из одной слободы в другую имел место в Фомиу неделю, причем остается неясным, что в данном контексте означает слово “неделя”; воскресенье или все семь дней недели. Далее по этому же своду получается, что после нападения на них Святослава Липовичского братья Ахмата бежали в Курск, а на следующее утро разбежались обе их слободы. По Симеоновской же летописи (и здесь она согласна с Лаврентьевской) переход братьев Ахмата из одной слободы в другую имел место в неопределенное время, но явно до Фоминой недели. После нападения на них князя Святослава братья бежали, но куда, в летописи не говорится. Можно думать, что они бежали в ту слободу, в которую шли. После же пасхи в Фомиу неделю оба брата побежали к Курску. А наутро в понедельник разбежались собранные ими слобожане. Уточняющее указание на понедельник свидетельствует о том, что под Фоминой неделей понимался воскресный день этой недели, т.е. второе после пасхи воскресенье. Очевидно, что в более позднем Московском своде из-за сокращения и неудачного редактирования текста реалии действительных событий оказались искажены, заменены фактами надуманными, книжными. Впрочем, некоторые такие факты, возникшие под пером составителя Симеоновской летописи или ее источника, оказались закрепленными в Московском своде. Так, вместо слов Симеоновской летописи “къ своему царю къ Ногою” в Московском своде читается уже совершенно определенно: “къ своему царю Ногою”, где опущен предлог “къ”, остававшийся от фразы Лаврентьевской летописи: “ни к своему цесарю, ни к Ногою”⁸⁸. В то же время в Московском своде правильно читается “и два его сына” вместо ошибочного “и Давыда сына его” Симеоновской летописи⁸⁹, что свидетельствует об использовании в Московском своде не сохранившегося до наших

дней списка Симеоновской летописи, а иного, более раннего, протографичного списка этой летописи. Однако и в Московском своде, и в Симеоновской летописи одинаково ошибочно читается, что Александр убил князя Олега и его сыновей (сына) **“на едином мѣстѣ”**⁹⁰.

Как выяснил А. Н. Насонов, Московский свод 1479 г., лежащий в основе Московского свода конца XV в., до 1425 г. имел общий источник с Ермолинской летописью. Ермолинская летопись этот источник сильно сокращала. Московский же свод передавал его гораздо полнее⁹¹. Действительно, в Ермолинской летописи под теми же 1283 и 1284 гг. читается рассказ о слободах баскака Ахмата в Рыльско-Воргольском княжестве, но рассказ этот очень краткий⁹². В результате сокращения многие детали происшедшего оказались опущенными и возникли неточности. Так, согласно Ермолинской летописи, с жалобой на Ахмата в Орду отправился не один князь Олег, а еще и князь Святослав, причем оба они пошли не к Телебуге, а к Ногаю, который, с одной стороны, приказывает русским князьям разорить слободы Ахмата, а с другой — мстит им за это⁹³. Так возникали крупные исторические несообразности, связанные с небрежным редактированием текста сводчиками XV в.

М. Кавыршин безусловно прав, указывая, что одинаковый с Ермолинской летописью текст об Ахматовых слободах сохранили своды 1497, 1518 гг., а также составленная в 60-х гг. XVI в. Львовская летопись⁹⁴. Однако следует подчеркнуть, что текст Ермолинской летописи является первичным по отношению к трем названным летописным памятникам. В самом деле, в сводах 1497 и 1518 гг. имя князя Святослава Липовичского в статье 1284 г. ошибочно заменено на имя Ярослав⁹⁵. Вместо слов **“зло велико створися въ Курьскомъ княженьи”** в Ермолинской летописи в своде 1497 г. читается **“велико зло сотворися в Русском княжении”** (почти аналогичного и во Львовской летописи: **“Зло сотворися въ Русскомъ княженьѣ”**), что существенно изменяет смысл повествования, поскольку Курское княжение или Курск как в тексте свода 1497 г., так и в тексте Львовской летописи далее не упоминаются⁹⁶ и правильная локализация событий становится невозможной.

Львовская летопись — самая поздняя из перечисленной группы — содержит и другие чтения, искажающие более ранний рассказ. Так, в ней читается **“И позва въ ловища лебедина со-**

кольниковъ” вместо правильного “И посла въ ловища лебедина сокольниковъ”⁹⁷, “онъ же шедъ” (о тех же сокольниках) вместо “они же шедше”⁹⁸, “ятъ съ ними” вместо “а с ними”⁹⁹, “а ти хотятъ разгравить” вместо “а ты хотя разбивати”¹⁰⁰ (речь идет об обвинении, выдвинутом князем Олегом против князя Святослава, ограбившего, “разбившего” слободы Ахмата).

Сходство с текстом Московского свода имеет не только Ермолинская летопись, но и Типографская, а также Воскресенская летописи. Сличение рассказов об Ахматовых слободах в Московском своде и Типографской летописи показывает, что за малозначительными исключениями их тексты идентичны. Они отличаются друг от друга перестановками (инверсиями) слов в отдельных фразах, некоторыми лишними союзами и предлогами и тремя чтениями, имеющими более серьезное значение. Так, в Московском своде читается “въ отчинъ Ольга”, тогда как в Типографской летописи просто “въ отчинъ”; в Московском своде стоит “Ворлога”, а в Типографской летописи — “Врълога”; в Московском своде написано “ано большее зло”, тогда как в Типографской летописи — “ано бо злѣе зло”¹⁰¹. В первом случае чтение Московского свода повторяет чтение источника — Симеоновской летописи, следовательно, оно древнее соответствующего чтения Типографской летописи¹⁰². Во втором случае чтение Московского свода хотя и хуже чтения той же Симеоновской летописи, где правильно читается “Воргола”¹⁰³, тем не менее лучше чтения Типографской летописи; искажающего чтение Московского свода. В третьем случае чтение Московского свода также первичнее чтения Типографской летописи, в одном из списков которой стояло “а на болшее зло”¹⁰⁴. Из предпоследнего слова, небрежно написанного вместо слова “большее”, и получились слова “бо злее” (выносная буква “л” вставлена в строку не перед, а после буквы “з”). Очевидно, что текст Московского свода в рассмотренных трех случаях старше текста Типографской летописи, но существенных расхождений между ними нет, они содержат одинаковые факты и оценки.

Мало отличается от повествования о событиях в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах Московского свода подобное повествование в Воскресенской летописи. Более или менее существенные разночтения могут быть представлены в виде следующей таблицы.

Московский свод конца XV в.¹⁰⁵

“имя ему”

“наряди две свободы”

“въ свою вѣлость”

“не ратень”

“поймани переходци”

“аю болшее зло бысть”

“цѣловалъ ты со мною на семь
крестъ”

Воскресенская летопись¹⁰⁶

“именемъ”

“сътвори двѣ слободы”

“во свою область”

“не ратень ти”

“перенмани и переходци”

“а на болшее зло бысть”

“цѣловал ты на семь крестъ”

Оценка приведенных разночтений трудна, они не содержат бесспорно однозначных показаний относительно старшинства какого-либо текста. Тем не менее, употребление в Московском своде таких слов, как “наряди”, “вѣлость” вместо соответствующих слов “сътвори”, “область” Воскресенской летописи скорее говорит о старшинстве текста Московского свода. Привлечение Симеоновской летописи, источника Московского свода, показывает, что первые три чтения Московского свода соответствуют тексту Симеоновской летописи, а чтения Воскресенской летописи от этого текста отличны¹⁰⁷. Симеоновская летопись содержит и слова “со мною” из последнего чтения, которые в Воскресенской летописи опущены¹⁰⁸. Только четвертое чтение нарушает выявленную закономерность. Слово “ти”, читающееся только в Воскресенской летописи, есть и в Симеоновской¹⁰⁹. Но это небольшое разночтение не может повлиять на общее заключение: текст Московского свода старше текста Воскресенской летописи.

В XVI в. возник еще один вариант рассказа об Ахматовых слободах. Он читается в составе Владимирского летописца. Повествование о событиях XIII в. здесь весьма краткое, по объему очень незначительно превышающее соответствующий текст Ермолинской летописи, но источник его иной. Во Владимирском летописце в статье 1283 г. сохранилась фраза: “насиліе много творяше людем около Воргола Рыльского”¹¹⁰. Несмотря на искажение последнего названия (“Рыльского” вместо правильного “Рыльска”) эта фраза отличается от фразы, появившейся под пером редактора свода 60-х гг. XV в. (общего источника Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи) и читающейся в Московском своде конца XV в.: “около Воргола и около Курьска пусто створиша”¹¹¹, где

указание на Рыльск ошибочно заменено на Курск. Эта ошибка повторена в Типографской и Воскресенской летописях¹¹², поэтому ни один из этих летописных памятников не мог быть источником Владимирского летописца. Им могла быть только Симеоновская летопись, сохранившая чтение "около Рылска"¹¹³.

Сокращение рассказа об Ахматовых слободах Симеоновской летописи сделано во Владимирском летописце кардинально и неумело. Оказались выпущенными такие эпизоды повествования, как ночное нападение князя Святослава Липовичского на одну из слобод Ахмата, действия ногаевых сокольников в княжестве Олега Рыльского и Воргольского, указание на Курск как на место бегства братьев Ахмата и т.д. Сжатие текста привело к уничтожению сказуемых в предложениях: "и тѣмъ многѹ досаду князем и людемъ", "Ахматъ в тѹ порѹ ꙗ Ногая царя"; нарушению грамматической согласованности: "по словѹ сродникъ своихъ Святославомъ", "дасть пристава княземъ князю Олгѹ"¹¹⁴ и т.п. При этом следует подчеркнуть, что сокращению во Владимирском летописце был подвергнут более древний текст Симеоновской летописи, чем напечатанный в XVIII томе ПСРЛ. Во Владимирском летописце правильно читается "два сына его" вместо ошибочного "Давида сына его" опубликованного списка Симеоновской летописи¹¹⁵.

В XVII в. была предпринята, кажется, единственная переработка раннего рассказа об Ахматовых слободах. Речь идет о статьях 1283—1284 гг. Пискаревского летописца, составленного во втором или третьем десятилетиях XVII в.¹¹⁶ В этом памятнике повествование о событиях в Курском, Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах сокращено, но несмотря на довольно значительную редакцию, источник Пискаревского летописца может быть установлен.

В летописце сохранились такие выражения, как "всем людемъ", "не князи, но разбойницы", "бе же тѹ переходцы, иж ходят милостыни просят"¹¹⁷, "держася рати татарской", "руганье от акайныхъ православномѹ християнѣствѹ"¹¹⁸. Как показано было выше, все эти фразы являются переделками текста Симеоновской летописи, сделанными редактором свода начала 60-х гг. XV в. — общего источника Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи. Именно так или почти так приведенные выражения читаются в Московском своде конца XV в. Следовательно, рассказ об Ахмато-

вых слободах в Пискаревском летописце восходит к достаточно позднему источнику, написанному не ранее 60-х гг. XV в.

Но с Московским сводом конца XV в. (или сводом 1479 г.) очень близки тексты Типографской и Воскресенской летописей. Не могла ли быть одна из них источником Пискаревского летописца? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Рассказ об Ахматовых слободах Пискаревского летописца имеет одну характерную деталь: там читается **“Кирския области”** (дважды), **“Кирсъкаго княжения”**, **“Кирстей земле”**, наконец, просто **“Кирскѹ”**¹¹⁹, т.е. вторая буква **“ѹ”** в названии княжения, земли и города заменена на букву **“и”**. Точно такие же написания есть в Толстовском списке Типографской летописи, который был использован для подведения вариантов при издании XXIV тома ПСРЛ¹²⁰. Эти искажения названий объясняются тем, что, как показывает орфография основного, Синодального, списка Типографской летописи, буква **“ѹ”** в слове **“Кѹрск”** и производных от него, была заменена одним из писцов буквой **V** (**“ижица”**), которая в текстах могла читаться и как **“ѹ”**, и как **“и”**. Другой писец заменил ее на букву **“и”**, отсюда одинаковые написания в Толстовском списке Типографской летописи и в Пискаревском летописце.

Эти орфографические совпадения могли бы показаться случайными, если бы в рассказе об Ахматовых слободах Пискаревского летописца не сохранилась фраза **“а ново злѣе бысть зло”**¹²¹ (лучше было бы читать **“ако[ѡ] злѣе бысть зло”**), которая дополняет глаголом **“бысть”** фразу, отмеченную выше как типичную именно для Типографской летописи: **“ако во злѣе зло”**. Таким образом, выясняется, что повествование о событиях в Курском, Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах в Пискаревском летописце составлено на основании Типографской летописи. Тем самым корректируются мнения издателей Пискаревского летописца и М. Кавыршина, считавший, будто источником рассказа об Ахмате в этом своде была Воскресенская летопись¹²².

От рассмотренных повествований об Ахматовых слободах в различных русских летописных сводах XIII — XVI вв. существенно отличается повествование о них в Никоновской летописи. Там оно читается не под 1283 и 1284 гг., как в этих сводах, а под 1284 и 1285 гг.¹²³. Состав данных статей Никоновской летописи достаточно сложен. В ней дважды, например, говорится о приглашении сокольников хана Ногая князю Олегу Рыльскому и

Воргольскому отправиться с ними к хану: “и по семъ князя Олга позваша къ нему” и ниже “и звавше къ Ногою Олга”¹²⁴. В конце статьи 1284 г. в Никоновской летописи читается фраза, по содержанию аналогичная подобным фразам в других летописях: Ахмат “во двонхъ своихъ слободахъ остави два брата своя и съ ними татаръ, много же у нихъ служаще и Руси, заповѣда имъ блюсти слободы тѣ...”¹²⁵. Сходная фраза читается и в начале статьи 1285 г. Никоновской летописи: “въ двонхъ слободахъ остави брата своя соблюдаати слободы его”¹²⁶. Такие дублирования текста указывают на то, что составители Никоновской летописи при описании событий в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжениях пользовались по меньшей мере двумя летописными источниками. Один из них может быть указан совершенно точно. Никоновская летопись сообщает, что брат Святослава Липовичского князь Александр, мстя за Святослава, убил сына Олега Давыда¹²⁷. Как было выяснено выше, это имя, возникшее в результате описки, читается только в Симеоновской летописи. Существующий список этой летописи не мог быть источником Никоновской, поскольку он написан в более позднее время. Но очевидно, что таким источником был протограф сохранившегося списка Симеоновской летописи. К этому протографу должны быть возведены следующие чтения Никоновской летописи, совпадающие только с Симеоновской и отличающиеся от чтений других летописных сводов: “и чрънымъ людемъ”, “и бысть о томъ” (распря, брань между Олегом и Святославом), “по Крещении”, о поковании людей “по два”, “и уставиша ясакъ”, о бегстве разбитых князем Святославом Липовичским братьев Ахмата сначала в слободу и лишь потом в Курск, слова “на болшую пакость”¹²⁸. Данных примеров достаточно для вывода, что в Никоновской летописи был использован текст Симеоновской летописи, именно протографа ее сохранившегося списка.

Другим источником Никоновской летописи послужил свод, в котором читался рассказ об Ахматовых слободах типа того рассказа, который есть в Московском своде. Наиболее убедительным фактом, свидетельствующим об этом, является отсутствие в Никоновской летописи самого мрачного эпизода рассказа, где говорилось об отрезанных боярских головах и руках. Это вызывающее отвращение описание не читается и в Московском своде¹²⁹. Нет в Никоновской летописи, как и в Московском своде, указания на

село Туров, куда двинулась карательная экспедиция Ахмата после опустошения Рыльска, Воргола и Липовичского княжества¹³⁰.

Зато в Никоновской летописи сообщается, что князь Святослав Липовичский **“иде в Орду за сродникомъ своимъ ко царю Телебогѣ с жалобою на баскака Ахмата”**¹³¹. Как указывалось выше, текст о поздке Святослава в Орду, правда, к Ногаю, а не к Телебуге, с жалобой на Ахмата, появился впервые при создании Ермолинской летописи. Очевидно, приведенная фраза Никоновской летописи возникла под влиянием Ермолинской или близкой к ней летописи. Утверждать это можно с тем большим основанием, что другие статьи Никоновской летописи дают примеры совершенно очевидного использования при их написании текста Ермолинской летописи¹³².

Таким образом, повествование Никоновской летописи представляет собой компиляцию уже известных источников.

Но помимо заимствований из предшествовавших памятников летописания, составители Никоновской летописи включили в свой рассказ об Ахматовых слободах целый ряд исторических припоминаний и морализирующих сентенций и, не смущаясь нарушением исторической правды, ввели в это повествование множество псевдореалий. Так, Ахмат был назван князем, его отцом объявлен некий Темир. Ахматовы слободы оказались расположенными не только во владениях Олега Рыльского и Воргольского, но и Святослава Липовичского. В слободах поселились разные мастера, там открылись большие торжища. Олег и Святослав неоднократно нападали на эти слободы, но потом примирились с Ахматом. Жители Ахматовых слобод опустошали окрестности не только Воргола и Рыльска, но и грабили **“и около Липетца”**. По слову Ахмата Ногай послал против Олега Рыльского и Святослава Липовичского рать под командой князя Темира. Князь Святослав бежал от этой рати **“въ Резань въ лѣсы въ Воронежскиа”**. Гости, которым Ахмат раздал платье убитых бояр, были немецкие и царьградские. Русских людей, шедших из одной слободы в другую, было 35 человек (в остальных летописях — **“боле 30”**). После нападения на них князя Святослава Липовичского слобожане Ахматовых слобод с ним **“бой сътвориша”**. После боя Ахмат прислал к Святославу посла, чтобы заключить мир, но Святослав его убил. Наследовавший убитому Олегом князю Святославу его брат князь Александр поехал в Орду, получил помощь от хана и только тогда убил Олега. Вместе с ним он убил его сыновей Давыда и Семена.

В последнем случае имя второго сына также явилось, видимо, результатом неверного истолкования описки в рукописи. Или слово сна (сына) было принято за слово Семена, или было написано сма, где буква "н" походила на букву "м", и эта аббревиатура была воспринята как сокращение слова Семена.

Уточняющее определение места, куда бежал липовичский князь Святослав — **"въ Рязань въ лѣсы въ Воронежскіа"** — было вызвано повышенным интересом редактора Никоновской летописи митрополита Даниила, по происхождению рязанца, к истории Рязани. Рязанских сведений, не подтвержденных другими сводами, в Никоновской летописи немало¹³³. Однако в данном случае дело обстояло иначе. Редактор явно знал летописи. В русских же летописях есть два известия, где фигурирует поселение (или местность) Воронеж, являвшееся рязанским владением¹³⁴. Редактор отождествил Воронежские леса рассказа о баскаке Ахмате с рязанским Воронежем и сделал уточняющее указание на Рязань. Последнее дало возможность исследователям XIX — XX вв. искать Липецк, где княжил укрывшийся в Воронежских лесах Святослав, близ Рязани и отождествлять его с современным Липецком. Однако идентификация летописца XVI в. была ошибочной.

В других же случаях у составителей Никоновской летописи не было и формальных оснований для ввода в рассказ новых имен и фактов. Например, одинаковые имена отца Ахмата и военачальника, посланного вместе с Ахматом ловить князей Олега и Святослава — Темир, явно фантастического происхождения. Любопытно, однако, что в Никоновской летописи это имя прилагалось и к другим вымышленным татарским лицам¹³⁵.

Таким образом, ряд русских летописных сводов XIV — XVII вв. содержит разные редакции рассказа о слободах татарского баскака Ахмата в Рыльско-Воргольском княжении. Древнейшим является текст Лаврентьевской летописи — свода 1305 г., но текст этот дефектен, около половины его утрачено из-за механической потери листов рукописи. Следующая по времени обработка повествования сохранилась в Симеоновской летописи. Поскольку сходные с изложением Симеоновской летописи отрывки, сохраненные в выписках Н. М. Карамзина, читались в погибшей в 1812 г. Троицкой летописи¹³⁶, следует заключить, что основные редакционные изменения рассказа Симеоновской летописи были сделаны в 1409 г. при составлении того свода, который представляла утраченная Троицкая летопись. Последующая обработка рассказа,

представленная статьями 1283 и 1284 гг. Московского свода конца XV в., была предпринята при создании общего источника Московского свода 1479 г. (источника Московского свода конца XV в.) и Ермолинской летописи. Этот общий источник был создан в начале 60-х гг. XV в.¹³⁷ Сокращенная редакция Ермолинской летописи, повторенная сводами 1497 и 1518 гг., а также Львовской летописью, появилась в начале 70-х гг. XV в., когда был составлен свод, легший в основу этой летописи¹³⁸. Текст свода 60-х гг. XV в. был с небольшими изменениями воспроизведен в Типографской летописи (памятник 20 — 30-х гг. XVI в., но в своей ранней части основывавшийся на своде 1484 г.¹³⁹) и в Воскресенской летописи (через Московский свод 1479 г.), составленной в первой половине 40-х гг. XVI в.¹⁴⁰ В составленном в 20-е гг. XVI в. Владимирском летописце сокращен текст, близкий к сохранившейся Симеоновской летописи, а в написанном почти столетие спустя Пискаревском летописце в сильно урезанном виде представлен рассказ Типографской летописи. Наконец, в Никоновской летописи, созданной между 1526 и 1530 гг.¹⁴¹, отразились тексты Симеоновской летописи, Московского свода конца XV в. и Ермолинской летописи, значительно пополненные сотрудниками митрополита Даниила на основании собственных соображений и умозаключений. Сопоставление летописных текстов показывает, что при переработках и даже переписывании рассказов о событиях в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах возникали новые псевдофакты и псевдореалии, которые историками XVIII — XX вв. принимались за истинные. Совершенно очевидно, что для исторического анализа необходимо выделить самые древние тексты, поскольку они должны содержать наиболее достоверные фактические сведения. Таковыми являются текст Симеоновской летописи, составляющий начало летописной статьи 1283 г. до слова “поломници” включительно, а затем текст Лаврентьевской летописи от указанного слова и до конца повествования.

Несомненно, что оба эти текста не являются первоначальными, вставка глоссы “**черны съ русину**” в Лаврентьевской летописи прямо указывает на факт обработки даже этого древнего источника, но они являются самыми ранними из сохранившихся, и анализ событий в южных русских княжествах должен основываться на них.

Анализ этот необходимо начать с выяснения того, когда имели место описанные в летописях события. В большинстве сво-

дов они изложены под 1283 и 1284 гг., и целая плеяда историков XVIII — XX вв. их так и датировала. Но в 1940 г. А. Н. Насонов обратил внимание на то, что в этих статьях фигурируют татарские ханы Телебуга и Ногай, а согласно восточным источникам Телебуга стал ханом только в 1287/88 г. Поэтому, анализируя рассказ об Ахматовых слободах, А. Н. Насонов приходил к следующему заключению: "Рассказ этот мы читаем в летописи под 1283 — 1284 гг. Он повествует о событиях 1287/88 — 1293 гг.; как можно установить на основании персидских и арабских источников (Рашид-ед-дин, Бейбарс, Эннувейри и т.д.); таким образом, он является уже позднейшей вставкой в летописный текст (под 1283 — 1284 гг.)"¹⁴² С тех пор события в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжениях, как правило, стали датироваться 1287/88 — 1293 гг. Только в 1963 г. в специальной работе, посвященной точной датировке описанных в древнейшем русском летописании событий, Н. Г. Бережков, не называя А. Н. Насонова, уточнил указанную им хронологию происшествий в Рыльско-Воргольском и соседних княжествах при баскаке Ахмате: "Повествование относится ко времени на несколько лет более позднему (чем 1283 — 1284 гг. — В. К.), когда ханом был Телебуга (захвативший ханский стол в 1287 — 1288 гг., умерщвленный в 1291 г.), т.е. включено в летопись явным образом не на место"¹⁴³.

Точно такие же хронологические рамки событий, имевших место в Курском, Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах, — 1287—1291 гг. — обосновывает и М. Кавыршин¹⁴⁴, хотя для этого ему проще было бы сослаться на исследование Н. Г. Бережкова. Оба исследователя правы в том, что указанная А. Н. Насоновым вторая крайняя дата разыгравшейся в южнорусских княжествах драмы нуждается в уточнении. А. Н. Насонов сам отмечал, что "в 1291 г. Ногай организовал заговор против Телебуги-хана, Телебуга и его сообщники попали в ловушку и были умерщвлены"¹⁴⁵. Если так, то история с Ахматовыми слободами должна была закончиться не позднее 1291 г., как о том писали Н. Г. Бережков и М. Кавыршин.

Обращение к восточным авторам, которых упоминает А. Н. Насонов, позволяет установить, что Телебуга стал ханом в 686 г. хиджры, т.е. между 16 февраля 1287 г. и 5 февраля 1288 г.¹⁴⁶ Убит же он был по совету Ногай в 690 г. хиджры, т.е. между 4 января и 23 декабря 1291 г.¹⁴⁷ Причиной ссоры между Ногаем и Телебугой послужил их совместный поход на Краковскую землю. По сообщению Бейбарса, "сошлись они оба в предпо-

ложенном месте, разлили повсюду опустошение, грабили, что хотели, убивали, кого хотели, и (затем) вернулись”¹⁴⁸. На обратном пути Ногай оставил союзника и ушел в свои кочевья. Телебуга отправился в свои, но уже настала зима, выпало много снега, дороги оказались непроходимыми. Телебуга заблудился, “войско его постигла сильнейшая беда, которая довела их до того, что они ели мясо животных, служивших им для верховой езды, и собак, которых они взяли с собой, да мясо тех из них, которые умирали от голода”¹⁴⁹. Телебуга решил, что Ногай нарочно покинул его, чтобы погубить войско. Отсюда возникла вражда к Ногаю. Из рассказа Бейбарса следует, что злоключения Телебуги имели место зимой 1287/88 г., следовательно, ненависть сарайского хана к Ногаю могла проявиться не ранее 1288 г. Отсюда события в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах должны были бы датироваться 1288 - 1291 гг.

Но насколько точен Бейбарс в своих описаниях? То, что он был современником хана Телебуги и современником осведомленным, одним из самых приближенных лиц египетских султанов Калавуна и Эннасыра Мухаммеда, делает его сочинение в значительной степени достоверным, но отдаленность каирца от места событий, о которых он рассказывал, время написания его “Летописи” — 20-е гг. XIV в.¹⁵⁰ — заставляют проверить сообщаемые им сведения.

Легче всего поддаются контролю указанные Бейбарсом годы правления Телебуги. Сохранились монеты, чеканенные при этом хане. Наиболее ранние из них имеют дату 686 г. хиджры, самые поздние — 690 г. хиджры, причем последним годом датируются и монеты преемника Телебуги на ханском столе Тохты¹⁵¹. Таким образом, время правления Телебуги указано египетским историком правильно.

Верно также сообщение Бейбарса о совместном походе Телебуги и Ногай на Краковскую землю. Этот поход подробно описан в Ипатьевской летописи, а также в польских хрониках. Согласно владими́ро-во́лынскому летописцу, сочинение которого включено в Ипатьевскую летопись, Телебуга, собрав большое войско, куда вошли и полки русских князей, вместе с Ногаем вторгся в Польшу. Телебуга направился к Завихвосту, а далее к р. Висле. Висла стала замерзать, и войско ордынского хана не сумело ее форсировать. Тогда Телебуга пошел вверх по течению Вислы к Сандомиру. На пути он перешел по льду р. Сан, окружил Сандомир, но взять его не смог. Провоевав в польских землях 10 дней, Телебуга хотел было идти к Кракову, но узнав, что там дей-

ствует Ногай, вернулся в русские земли, где две недели простоял у города Львова¹⁵². Совершенно очевидно, что поход Телебуги и Ногая состоялся, как и писал о том Бейбарс, зимой. Но в Ипатьевской летописи поход датирован 1283 годом¹⁵³, что является безусловной ошибкой позднейшего хронологизатора, вставлявшего указания на годы в описания событий, первоначально не имевшие характерной для летописей хронологической сетки. М.С.Грушевский, разбирая данное сообщение Ипатьевской летописи, сопоставил его со свидетельствами польских хроник, зафиксировавших поход татар на польские земли в 1287 г.¹⁵⁴ Поскольку владими́ро-во́лынскій летописец сообщал, что идя на Польшу, татары миновали Владимир Во́лынскій “по Микүлинѣ дни”¹⁵⁵, т. е. после дня памяти Николая Мирликийского, отмечаемого 6 декабря. М.С.Грушевский посчитал, что поход начался в декабре 1286 г., а закончился в начале 1287 г. Польские же хронисты, по объяснению М.С.Грушевского, не знали о времени начала похода, но знали, когда он закончился, а потому датировали поход 1287 г. К декабрю 1287 г. — январю 1288 г. М.С.Грушевский относил еще один поход Телебуги на Польшу, о котором Ипатьевская летопись сообщает уже в статье 1287 г.¹⁵⁶ Между тем Ипатьевская летопись при описании похода Телебуги на Польшу в статье 1283 г. и при описании его похода против тех же поляков в статье 1287 г. приводит одну любопытную деталь. Она свидетельствует, что в первом походе должны были участвовать русские князья Лев Данилович Галицкий с сыном Юрием, брат Льва Мстислав Луцкий и их двоюродный брат владими́ро-во́лынскій князь Владимир Василькович. Князь Владимир был сильно болен. В поход он пошел, но у р. Сан почувствовал себя плохо и “тоу же на Саноу . . . воротися от нихъ назадъ”¹⁵⁷. Те же самые русские князья были участниками и второго похода, снова болен был князь Владимир и вновь, дойдя до р. Сана, он прервал свой поход¹⁵⁸. Эти “двойные” болезнь Владимира и возвращение назад от р. Сана говорят о том, что в Ипатьевской летописи в разных местах и с разными подробностями описан один и тот же поход Телебуги и Ногая на польские земли, состоявшийся зимой и при участии русских князей. О времени похода свидетельствует фраза, на которую обращал внимание М.С.Грушевский, но до конца так и не разобрал. Под 1283 годом Ипатьевская летопись сообщает, что стоявшие у Владимира Во́лынскіа полки Телебуги “в недѣлю же минуѡша городъ, по Микүлинѣ дни на завтра день”¹⁵⁹.

Совершенно очевидно, что татары выступили в поход на поляков в воскресный день (**“недѣлю”**), который наступил наутро после Микулина дня. Последний же, как говорилось выше, отмечается 6 декабря. Иными словами, Телебуга пошел в поход в воскресенье 7 декабря. А такое сочетание числа, месяца и дня недели приходилось на 1287 год. Следовательно, под 1283 годом в Ипатьевской летописи описан тот же поход на Польшу, что и под 1287 годом. Если конница Телебуги пришла в движение 7 декабря 1287 г., то в польских пределах она должна была оказаться через несколько дней: от Владимира Волынского до границы с Польшей было около 150 километров. Судя по рассказу Ипатьевской летописи под 1283 годом, поход Телебуги закончился в том же декабре 1287 г. Становится очевидным, что польские хроники совершенно точны, указывая на 1287 г., как на год вторжения татарских войск в Польшу. Только было это не в начале года, как считал М.С.Грушевский, а в его конце. Выясняется, что сведения Бейбарса вполне достоверны и в определении времени нападения Телебуги и Ногая на Краковскую область.

Верны и другие детали его рассказа. Ипатьевская летопись постоянно подчеркивает **“нелюбовь велико”** между Телебугой и Ногаем, когда повествует под 1283 г. об их совместном походе против поляков¹⁶⁰. Но черта эта поздняя. Она внесена летописцем, обрабатывавшим материал своих источников уже в 90-е гг. XIII в., когда были известны и проявления этой нелюбви, и ее кровавое последствие — убийство Телебуги. Поэтому нельзя считать, исходя из показаний Ипатьевской летописи, будто вражда между Телебугой и Ногаем началась еще до зимы 1287/88 г. Этому противоречит не только свидетельство Бейбарса, но и оставшееся без поздних поправок замечание той же Ипатьевской летописи: Телебуга, выступая против поляков, **“приде к Ногаєви”**¹⁶¹, что довольно странно при предположении о существовании между ними вражды до похода. Согласуется со свидетельствами Бейбарса о голоде в войсках Телебуги и другое замечание Ипатьевской летописи: **“тое же зимы (речь идет о зиме, когда состоялся поход Телебуги и Ногая на Польшу — В.К.) и в Татарехъ изомре все, кони и скоти и овцѣ, все изомре, не остана ничего же”**¹⁶². Таким образом, данные египетского историка полностью подтверждаются показаниями европейских источников, и широкая дата событий в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах — 1288—1291 гг. — становится уже не покоящейся на свидетель-

ствах одного памятника, а обоснованной многими разноязычными летописями и хрониками.

Относительное время этих событий может быть установлено по их летописному описанию. Недавно это попытался сделать В.В.Енуков. "Известно, что Святослав бежал в Воронежские леса в начале января 1283 г. (по Никоновской летописи — в 1284 г.)", — утверждал он, — "во время прихода ордынской карательной рати, а разгромил отряд ахматовых братьев в следующем году, в Фомину неделю, т. е. либо в марте, либо в октябре 1284 г. (1285 г. по Никоновской летописи)"¹⁶³. Если даже отвлечься от того, что В.В.Енуков совершенно не знает работ А.Н.Насонова и Н.Г.Бережкова, где уточняется летописная хронология интересующих его событий, он допускает грубые ошибки и в определении относительного времени случившегося. Фомина неделя — это вторая неделя после пасхи. Следуя колебаниям пасхального цикла, она может начинаться с 29 марта (самая ранняя дата) и до 2 мая включительно (самая поздняя дата)¹⁶⁴. Поэтому в октябре месяце Фоминой недели быть не может. Отмечаемая же 6 октября память апостола Фомы не имеет отношения к Фоминой неделе. Чтобы определенная годовая статья летописи рассказывала о событиях января одного года, а следующая годовая статья — о марте другого года, из чего исходит В.В.Енуков, надо, чтобы летописный год начинался с 1 января. Но 1 января как начало года было введено в России указом Петра I от 20 декабря 1699 г. В XIII в. новый год на Руси начинался 1 марта. И если в летописной статье одного года описаны январские события, а в статье следующего года — мартовские, то это события разных месяцев одного январского года, но не двух январских годов, как думает В.В.Енуков. Иными словами, между появлением в Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах карательных войск Ногай и бегством жителей Ахматовых слобод прошли не год и два-три месяца, как получается у В.В.Енукова, а на год меньше. Утвержденные научной литературой исследовательские промахи заставляют еще раз проанализировать относительную хронологию летописного повествования об Ахматовых слободах.

В древнейших летописных текстах есть несколько явных и скрытых хронологических указаний. Наиболее очевидное — дата 13 января, когда приведенное баскаком Ахматом для поимки и наказания князей Олега Рыльского и Воргольского и Святослава Липовичского войско остановилось около Воргола. 20 дней татары хозяйничали в русских княжествах¹⁶⁵. Следовательно, они снялись

со своей стоянки 2 февраля. Следующие хронологические пометы в летописном рассказе связаны с судьбой Ахматовых слобод. В Фомину неделю в Курск из слобод побежали два брата Ахмата, **“а на заоутрен в понедѣльникъ побѣжа вся свобода та и другая”**¹⁶⁶. Из летописного контекста становится очевидным, что под Фоминой неделей в нем разумеется не неделя в семь дней, а только воскресенье этой недели. Что касается понедельника Фоминой недели, то, основываясь на приведенных ранее датах абсолютной хронологии событий в Курском, Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах, для последующих расчетов полезно указать, что в 1288 году он приходился на 5 апреля, в 1289 г. — на 18 апреля, в 1290 г. — на 10 апреля и в 1291 г. — на 30 апреля¹⁶⁷. Как уже говорилось, полное восстановление Ахматовых слобод в январе и их самоликвидация в апреле — это события одного года. Перед приходом Ахмата с карательной экспедицией Олег Рыльский и Воргольский бежал к хану Телебуге. Очевидно, он покинул свое княжество перед 13 января, потому что за ним была послана погоня, бессмысленная, если Олег отправился в путь за несколько дней до прихода Ахмата. Вернулся Олег уже после ухода населения Ахматовых слобод, т. е. после понедельника Фоминой недели. Следовательно, поездка к Телебуге и возвращение назад занимали тогда по меньшей мере три-четыре месяца. До прихода к Ворголу войск Ногая в это княжество были посланы сокольники Ногая ловить лебедей. Охота на лебедей обычно бывает поздним летом или осенью, лебеди улетают на юг примерно во второй половине октября¹⁶⁸. Если татарские сокольники покинули Рыльско-Воргольское княжество с отлетом лебедей, в середине октября, а 13 января конница Ногая уже стояла у Воргола, это означает, что путь из русского княжества до ставки Ногая и обратно тоже занимал около трех месяцев. Поскольку посылка сокольников была вызвана не только необходимостью охоты на лебедей, но и опустошением Ахматовых слобод князьями Олегом и Святославом, получается, что действия русских князей имели место примерно за три месяца до прибытия сокольников, т. е. до позднего лета или осени, когда начиналась охота. Если это время можно обозначить как август-сентябрь, тогда опустошение Ахматовых слобод надо будет датировать маем-июнем. В свою очередь первую поездку князя Олега Рыльского и Воргольского к хану Телебуге с жалобами на действия Ахмата следует относить к февралю - марту того же года. Последнюю же поездку Олега к Телебуге, третью по сче-

ту, с жалобой на сей раз на родственника князя Святослава Липовичского и казнь Святослава нужно датировать примерно августом - сентябрем следующего года, имея при этом ввиду, что поездка состоялась вскоре после обвинений, предъявленных Олегом Святославу. Таким образом, основные события в Курском и соседних с ним княжествах, начиная с первой поездки Олега Рыльского и Воргольского к хану Телебуге и кончая убийством Святослава Липовичского, разворачивались по меньшей мере в течении полутора лет: с весны одного года по осень следующего.

Теоретически это могли быть весна 1288 г. — осень 1289 г., весна 1289 — осень 1290 г., весна 1290 г. — осень 1291 г. Первая дата представляется маловероятной. Телебуга с Ногаем поссорился зимой 1287/88 г., и трудно поверить, чтобы во всех русских землях знали об этой ссоре уже к весне 1288 г., а потому твердо рассчитывали на поддержку Телебуги в борьбе со ставленниками Ногая. Скорее после возникшей у Телебуги ненависти к Ногаю должно было пройти какое-то время, чтобы русские князья могли убедиться в реальности не чувств, а антиногайских действий Телебуги и пытались добиться от него помощи против Ногая. С этой точки зрения, две последние даты представляются более приемлемыми. С другой стороны, убийство братом Святослава князем Александром Олега и двух его сыновей, совершенно непричастных к рассказанным в летописи событиям и, очевидно, безвинным, могло совершиться тогда, когда Александр был более или менее уверен в собственной безнаказанности. Убийство им князя, действовавшего "по цесареву слову", неминуемо навлекало на него гнев и кару этого цесаря. Очевидно, Александр осуществил свою месть, когда уже не боялся возмездия Телебуги. А это могло произойти тогда, когда Телебуги не стало в живых, т.е. в 1291 г. Когда именно в 1291 г. был умерщвлен Телебуга, неизвестно, но судя по общему характеру рассказов Бейбарса и Эннувейри, это произошло в теплое время года, т.е. весной — осенью¹⁶⁹. Во всяком случае, преемник Телебуги на ханском столе Тохта успел в 1291 г. отчеканить свою монету, а это значит, что Телебуга погиб не в конце 1291 г. Таким образом, наиболее реальная дата происшедших в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжениях событий — весна 1289 — осень 1290 гг.

Полученная дата весьма значима при определении времени существования Ахматовых слобод. Они кончили свое существование 10 апреля 1290 г. Поскольку Ахмат был связан с Ногаем, надо полагать, что при организации слобод он опирался на его помощь.

Возвышение Ногая, главного военачальника ордынского хана Менгу-Тимура, началось с первых годов восьмого десятилетия XIII в.¹⁷⁰ Следовательно, Ахматовы слободы могли появиться не ранее этого времени. Существовали они, если считать по максимальному сроку, менее 20 лет. Думается, за такое наибольшее допустимое время они могли оставить после себя очень тонкий культурный слой. В этой связи археологические поиски Ахматовых слобод представляются малоперспективными.

Такое заключение не означает, что следует отказаться и от попыток приблизительной локализации этих слобод. Однако определение их местоположения зависит от выяснения того, где находились другие географические объекты, упоминаемые в рассказе о баскаке Ахмате. Как свидетельствует летопись, Ахмат организовал свои слободы *“въ отчинѣ Олга, князя Рылскаго и Ворголкаго”*¹⁷¹. Население этих слобод *“насиленіе творяху христианомъ, сущимъ Курскыя волости, около Воргола и около Рылска пусто сътвориша”*¹⁷². Под “Курской волостью”, или “областью”, как она названа в том же тексте несколько выше, в конце XIII в. понималась территория с центром в Курске, которому подчинялись не только земли, непосредственно прилегавшие к городу, но и владения некоторых русских князей. Об Ахмате сказано, что он был баскаком *“Курьскаго княжения”* и еще до организации слобод, беря на откуп сбор ордынской дани, *“велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении”*¹⁷³. Следовательно, в состав Курского княжения-волости-области входили и владения русских князей, с которых Ахмат собирал дань. Центр этой волости известен. Им был Курск, стоявший на месте нынешнего Курска. Несколько лет назад В.В.Енукову удалось зафиксировать в Курске слои древнерусского времени, что позволило снять колебания исследователей, сомневавшихся в том, была ли основанная русским правительством в 1596 г. Курская крепость поставлена на месте древнерусского Курска¹⁷⁴.

Хорошо известно и местоположение Рыльска, упоминаемого еще в домонгольское время. Он стоял на правом берегу Сейма в его верхнем течении.

Хуже обстоит дело с локализацией Воргола. Н.М.Карамзин в свое время считал, что в летописном рассказе о слободах баскака Ахмата упоминается село Воргол, в XIX в. относившееся к

Орловской губернии Елецкой округи¹⁷⁵. Н.С.Арцыбашев видел в Ворголе реку, приток впадавшей в Дон Сосны¹⁷⁶. А.И.Бунин полагал, что Воргол находился между Рыльском и Курском, и предлагал искать его в Львовском или Дмитриевском уездах бывшей Курской губернии¹⁷⁷, т. е. к северо-западу от Курска. Однако после исследований других историков и археологов второй половины XIX — начала XX в. выяснилось, что речь должна идти об одном из городищ в бассейне р. Воргол, притоке р. Клевень, протекающей примерно в 40 км к западу от Рыльска и впадающей справа в Сейм. Здесь у с. Воргол и почти у устья р. Воргол сохранилось древнерусское городище, которое есть веские основания отождествлять с Ворголом XIII в.¹⁷⁸ Думается, неслучайно двигавшаяся с юго-запада карательная экспедиция Ахмата остановилась 13 января 1290 г. именно у Воргола, сделав стоянку близ этого города основной базой своего пребывания. Это был первый крупный русский город, встретившийся на ее пути, где предстояло навести "порядок". Даже эти соображения позволяют считать, что Воргол находился на запад или на юго-запад от Рыльска.

Действия жителей Ахматовых слобод затронули также интересы липовичского князя Святослава, поскольку Святослав "по думѣ и по слову"¹⁷⁹ оказался заодно с князем Олегом, когда тот впервые отправился к хану Телебуге жаловаться на поведение Ахмата. Святослав также принял активное участие в опустошении Ахматовых слобод летом 1289 г. Карательная экспедиция Ахмата в течение 20 дней повоевала "все княжение Ольгово и Святославле" и наполнила баскаческие слободы "всего добра Ворголскаго и Рыльскаго и Липовичскаго"¹⁸⁰. Определение Святослава как князя Липовичского (такова форма, зафиксированная в древнейшей Лаврентьевской летописи: "Липовичьскыи князь Святославъ"¹⁸¹), заставляет полагать, что такое определение дано по главному городу княжества, в котором правил Святослав. Город должен был называться Липовичск, Липовическ, но, возможно, и Липовец, Липовица, Липовцы. О его местонахождении в историографии велись большие споры. Н.М.Карамзин, а следом за ним Н.С.Арцыбашев считали, что речь должна идти о городе Липецке на р. Воронеж¹⁸², современном областном центре. Их мнение энергично поддерживали в последнее время некоторые липецкие краеведы, считавшие, что центр их области не может не иметь многовекового прошлого. Такая локализация основывалась на указании, будто князь Святослав Липовичский бежал от баскака Ах-

мата в Рязань в леса Воронежские. Но как было выяснено ранее, это свидетельство есть только в Никоновской летописи и является результатом неудачной переделки более раннего текста сводчиками XVI в., произвольно добавившими в этот текст указание на Рязань. Следовательно, основания локализации оказываются ложными, а сама локализация — ошибочной. А.И.Бунин помещал Липовичск на месте урочища Городок XIX в. близ р. Псел в 20 км к югу от г. Сумы¹⁸³. М.Кавыркин считает, что центр Липовичского княжества находился близ современной деревни Липина в 35 км к западу от Курска, где обнаружено древнерусское городище¹⁸⁴. А.В.Кашкин предлагает при определении местонахождения средневекового Липовичска исходить из двух критериев: наличия древнерусского городища и существования рядом с ним топонимов или гидронимов с основой Лип-¹⁸⁵. По его мнению, этим критериям в современной Курской области отвечают только два пункта: уже упоминавшееся городище у деревни Липина и городище у с. Старый Город на р. Свапа, правом притоке Сейма. У этого села протекает ручей Липовый Колодезь и рядом расположен пос. Липки¹⁸⁶. Соображения А.В.Кашкина представляются вполне рациональными. Следует только иметь в виду, что в Липовичске должны существовать слои второй половины XIII в., и если на древнерусском городище таких слоев не будет, отождествление последнего с центром Липовичского княжества станет проблематичным. Что касается топонимов и гидронимов, то во внимание должны быть приняты не только современные, но и зафиксированные в письменных источниках более раннего времени. Уверенности, что до настоящего времени кардинально не изменились некоторые древние названия на Лип- (имело место явление т. н. топонимического разрыва), у нас нет.

Но как бы там ни было, думается, что идентификация Липовичска с городищем у деревни Липина несостоятельна. Во-первых, при таком отождествлении получается, что всего в одном дневном переходе от крупного административного центра — Курска — уже в послемонгольское время возник еще один значительный административный пункт — резиденция князя с определенными правами и статусом, если и подчинявшегося курскому баскаку, то явно не в полной мере. Столь близкое соседство подобных центров представляется сомнительным. Во-вторых, делается непонятным, как мог Святослав Липовичский, находясь в таком месте, своевременно узнавать о том, что делается в Ахматовых слободах и нападать на них, тогда как в стоявшем рядом

Курске, где нашли убежище два брата баскака Ахмата, ничего об этом не знали и никаких препон липовичскому князю его разбойным, по выражению летописи, помыслам не чинили? В-третьих, вызывает недоумение и беспрепятственное бегство братьев Ахмата в Курск. Липинское городище расположено как раз на большой дороге с запада к Курску, и если там княжил Святослав, то почему он, перед этим напавший на слободчиков и на сопровождавших их людей, дал им спокойно укрыться в Курске? В этой связи отождествление с Липовичском городища у с. Старый Город представляется более вероятным.

В пользу такой идентификации говорит и география Воронежских лесов. К настоящему времени можно считать установленным, что они находились к северо-западу от Глухова в бассейне р. Осота, правого притока Рети, являющейся левым притоком Десны¹⁸⁷. Здесь известен топоним Воронеж¹⁸⁸. При локализации в указанном месте Воронежских лесов выясняется, что они представляли собой часть знаменитых в средневековье северских лесов. Эти леса славились и позднее. О них в косвенной форме говорит составленное в XVI столетии "Сказание о Мамаевом побоище", сообщая, что к брянскому князю Дмитрию Ольгердовичу пришли "медокормци ис Сѣверы"¹⁸⁹. Мед, как правило, собирался в обширных и старых лесах. Эти леса и существовавшие в них "бортные ухажеи" фиксируются и много позднее переписной книгой 1594 г. Путивльского уезда о наделении земельным жалованьем самопальников, переписной книгой 1628 — 1629 гг. путивльских оброчных бортных ухажеев, писцовой книгой того же времени рыльских бортных ухажеев¹⁹⁰. Воронежские леса, где укрывался липовичский князь, расположены гораздо ближе к городищу у с. Старый Город, чем к Липинскому городищу, и это делает первое из них более вероятной резиденцией князя Святослава.

В рассказе Лаврентьевской летописи упоминается село Туров, куда двинулся от Воргола карательный отряд татар. А.И.Буин полагал, что это село надо искать в районе р. Туровки, правого притока Псела, и отождествлял его со стоявшей на Туровке одноименной деревней¹⁹¹. Хотя такая локализация в последнее время была поддержана А.К.Зайцевым¹⁹², ее следует признать некорректной. Деревня Туровка расположена далеко на юго-восток от Рыльска и на юг от Курска. Если Ахмат и приведенная им рать уходили из русских земель назад в кочевья

Ногай, как полагал А.И.Бунин, а следом за ним и А.К.Зайцев, то зачем же татары двинулись на юго-восток, а не на юго-запад, откуда пришли? Но дело не только в этом. В селе Турове Ахмат и возглавлявшиеся им войска появились вовсе не при своем отходе из опустошенных ими княжеств. Летопись свидетельствует, что, казнив бояр и расчленив их трупы, татары **“пондоша отъ Ворогла и пришедше в село Туровъ, и хотѣша послати по землям головы и рѹкы боярьскыѣ, нию нѣкуда послати, зане вся волость изънима-на”**¹⁹³. Очевидно, что село Туров находилось на уже разграбленной татарами территории. Ахмат хотел еще больше запугать жителей русских княжеств демонстрацией отрезанных боярских голов и рук и двинулся от пограничного Воргола в центр владений своих врагов, но затея сорвалась, ужасать стало некого. Тогда от Турова татары **“пондоша прочь”**¹⁹⁴, т. е., скорее всего, в свои кочевья. В связи с уточнением маршрута Ахмата обращает на себя внимание река Турочка в верховьях р. Клевени. Гидроним Тур- соответствует топониму Тур-, а география р. Турочки, находящейся на пути из локализованного выше Воргола к предполагаемому Липовичску¹⁹⁵, отвечает описанному в летописи пути татар и может, таким образом, свидетельствовать о местоположении села Туров.

В целом, проведенное определение местонахождения названных в рассказе о баскаке Ахмате географических объектов показывает, что все они располагались к западу от Курска. Очевидно, в этом же районе должны были находиться и основанные Ахматом на землях Рыльско-Воргольского княжества слободы. Отождествление с этими слободами Бесединского городища на р. Рать и археологического комплекса на правом берегу Сейма у с. Лебяжьего¹⁹⁶, расположенных восточнее Курска, нужно признать неправильным. Поскольку слободы основывались для поселения в них людей, нужных для обслуживания знати, в данном случае баскака и его окружения, можно думать, что Ахмат основал их близ городов Воргола и Рыльска, где можно было легче найти и перезвать к себе людей различных специальностей¹⁹⁸. Тем самым объясняется, почему слобожане **“около Воргола и около Рылска пусто сътвориша”**¹⁹⁷. Жители окрестностей этих городов, кто с охотой, а кто и неволей, шли в имевшие льготы подгородные слободы. Возможно также, что слобода близ Воргола была местом стоянки карательной экспедиции Ахмата.

Подробности эмоционально описанных современником репрессий татарского баскака¹⁹⁹ в Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах, трагических убийств русских князей зачастую заслоняют исследователям факты и явления более общего характера. Между тем летописное повествование содержит ценный, а в ряде случаев и уникальный материал, позволяющий судить об организации ордынской власти в покоренных русских землях и развитии этих земель в условиях чужеземного господства.

Описание похода 1287 г. Телебуги и Ногая на польские земли, ошибочно датированного в Ипатьевской летописи 1283 г., свидетельствует, что Телебуга, готовясь к нападению, **“посла к Заднѣпрѣнскимъ княземъ и ко Волыньскимъ . . . веля имъ поити с собою на воину”**²⁰⁰. К числу заднепровских князей должны быть отнесены и князья “Курского княжения”, т. е. Олег Рыльский и Воргольский и Святослав Липовичский. Очевидно, право набора войска в этих землях и отправки его на войну сохранял за собой сарайский хан. Но другое важное право — право сбора дани с местного населения имело другое лицо — Ногай. Не следует думать, памятуя о враждебных отношениях Телебуги и Ногая, что такое право было присвоено Ногаем силой. Как свидетельствует ход разбирательства дела о слободах Ахмата, правомерность сбора баскаком дани сомнению Телебугой не подвергалась. Следовательно, повелитель Ахмата Ногай получил это право или от самого Телебуги, или от его предшественников на ханском столе. По-видимому, сбор дани был частью более общих прав Ногая на управление и суд населения целого древнерусского региона, выделенного ему ханской властью. В этой связи нельзя не вспомнить о Курской тьме, упоминаемой в ярлыках крымских ханов XVI в. Полагают, что эта тьма — новообразование конца XIV - XV вв., связанное с политикой Москвы и Литвы²⁰¹. Но возможно, такая административно-территориальная единица существовала значительно раньше и в свое время была выделена темнику Ногаю. Свои права могущественный темник реализовывал следующим образом. В Курске, главном городе региона, был посажен наместник Ногая его баскак Ахмат. Сам Ногай сохранял за собой право на пользование определенными угодьями. В частности, в места охоты на лебедей на территории Рыльско-Воргольского княжества периодически посылались сокольники Ногая, но отнюдь не баскака или местного русского князя.

Баскак имел право на откуп дани. Очевидно, он заранее вносил “плановую” сумму в казну Ногая, а затем взимал налоги с русского населения в свою пользу и, скорее всего, в большем размере, чем предусматривалось разверсткой. Отсюда та “велика досада” князей и черных людей на действия Ахмата, о которой пишет летопись²⁰². Баскак имел право организовывать слободы на территории княжества, которым правил местный князь. Такие слободы заселялись людьми, получавшими, насколько можно судить по более поздним русским актам XV — XVI вв., различного рода материальную помощь или налоговые льготы²⁰³. Но после определенного срока слобожане должны были или работать, или платить дань устроителю слобод. Тем самым не только территория, но и люди выводились из-под юрисдикции русского князя.

Весьма любопытны шаги, предпринятые князем рыльским и воргольским Олегом против действий баскака Ахмата. Во-первых, сама активность, проявленная Олегом, говорит о том, что баскак не имел права суда над ним. Споры между татарскими наместниками и русскими владетельными князьями могли разрешаться, как свидетельствует разбираемое повествование, или судом темника, которому ханской властью была пожалована в управление данная территория, или высшим судом хана. Очевидно, право верховного суда было еще одним правом, которое оставляла за собой центральная ордынская власть. Во-вторых, Олег заручился поддержкой своего родственника липовичского князя Святослава, хотя слободы Ахмата были расположены за пределами владений этого князя. Объяснение действий Олега видится в том, что он решил избежать суда своего непосредственного сюзерена — Ногая и обратиться сразу к верховному судье — хану Телебуге. Как следует из рассказа об Ахмате, разбор дела при сарайском дворе закончился в пользу Олега. Ему были даны ханские приставы и наказ: “что бѹдетъ ваю (т. е. Олега и Святослава — В.К.) люденъ въ слободахъ тѣхъ, тѣхъ люденъ въведита въ свою волость, а слободы тѣ разгонита”²⁰⁴. Ханский наказ позволяет понять, почему Олегу удалось выиграть дело и зачем ему была нужна поддержка Святослава Липовичского. Оказывается, в своих слободах Ахмат поселял людей из Рыльско-Воргольского и Липовичского княжеств, т. е. из того общего Курского княжения (тѣмы?), баскаком которого он был. Судя по более поздним аналогиям, в слободы можно было принимать разных людей, но только

не того княжества, на территории которого слободы размещались. По всей видимости, такое правило действовало и в конце XIII в. на подпавших под татарское господство русских землях. Ахмат его нарушил, причем не только в отношении населения Рыльско-Воргольского княжества, но и Липовичского. Это нарушение князь Олег сначала использовал для привлечения на свою сторону липовичского князя, а затем, выступая уже от лица двух потерпевших князей, как бесспорный аргумент в ханском суде, признавшем его правоту. Подозрение в своей достоверности вызывают лишь заключительные слова переданного в летописи ханского наказа — о разгоне слобод. Если бы речь шла исключительно о насильственном разрешении конфликта, то тогда незачем было бы указывать на возвращение князьям Олегу и Святославу их людей, ушедших в слободы Ахмата. Подчеркивание же такого условия говорит о том, что Телебуга стремился решить дело по нормам тогдашнего писаного права или обычая, а не силой. Похоже, что слова о разгоне слобод принадлежат русскому летописцу-публицисту, стремившемуся оправдать все действия Олега Рыльского и Воргольского. Во всяком случае далее в летописи говорится о реакции Ахмата на разграбление его слобод, но не на их уничтожение. По-видимому, слободы как таковые продолжали существовать, можно даже думать, что в одной из них позднее останавливалась присланная Ногаем рать, но слободы были сильно опустошены, население в них уменьшилось.

Действия Ахмата, покинувшего свое баскачество еще до прихода князя Олега с приставами Телебуги, при дворе Ногая изложены в летописи достаточно сумбурно. С одной стороны, Ахмат возлагает вину за опустошение своих слобод на князей Олега и Святослава, называет их разбойниками, однако на суд Ногая предлагает вызвать только одного Олега. Так поступают и посланные Ногаем сокольники, приглашая для разбирательства дела к своему хану лишь Олега. Очевидно, в глазах Ахмата и окружения Ногая вина липовичского князя была куда менее значимой, чем вина его инициативного рыльского родственника. Между тем летописец, описывая отказ Олега отправиться к Ногаю, объясняет это боязнью рыльского и воргольского правителя возмездия не за свои действия, а за действия Святослава Липовичского, напавшего **“ночи на свободу розвоемъ”**²⁰⁵. Если принимать эти слова за достоверные, то тогда следует признать, что разбой Святослава имел место после ухода приставов Телебуги, потому что в их

присутствии происходили вывод людей и вывоз имущества из слобод и нападать тайно на одну из них не имело никакого смысла, и до извещения сокольниками Ногаю Олега о необходимости прибыть в ставку их хана для разбирательства спора с Ахматом. В таком случае делается непонятным, почему Олег из-за проступка Святослава страшится предстать перед Ногаем, а ногаевы сокольники не придают действиям Святослава никакого значения и даже не предлагают ему тоже явиться к Ногаю. Много позже, уже после ухода карательной экспедиции Ахмата, при втором приезде от хана Телебуги Олег Рыльский и Воргольский упрекал князя Святослава в том, что тот *“взложилъ еси имя разбойниче на мене и на себе, зиму съ еси ночи на свободу розбоем оударилъ, а нонѣ на пути еси розбилъ”*²⁰⁶. Здесь вновь звучит обвинение в ночном разбойном нападении липовичского князя на одну из Ахматовых слобод, но точно говорится, когда это произошло: *“зиму съ”*, т. е. только что прошедшей зимой, очевидно, в феврале 1290 г. после ухода войск Ногаия, но не летом — осенью 1289 г., до дипломатических переговоров сокольников. Таким образом, при принятии за достоверные приведенных летописцем мотивов отказа Олега приехать к Ногаю, возникает явно искусственная картина двукратного ночного нападения липовичского князя на слободу баскака Ахмата. Совершенно очевидно, что летописное объяснение этого отказа далеко от реального, оно построено на оценке позднейшей ситуации весны — лета 1290 г. В действительности же отказ князя Олега может быть объяснен его нежеланием пересматривать выгодное для себя ханское решение при разбирательстве дела на более низком юридическом уровне.

Посылая войска против двух русских князей, Ногай стремился восстановить на территории “Курской области” свои права как правителя этой области, казалось, нарушенные Олегом и Святославом. Но те действовали вполне легально, с одобрения хана Телебуги и в присутствии его приставов. Ногай, однако, судя по сохранившемуся тексту, прямо никак не реагировал на поступки хана и его чиновников, не воевал и не захватывал никаких ордынских земель, которые ему ранее не принадлежали бы. Он действовал только в своей “тьме” и против подчинявшихся ему в финансовом и судебном отношениях рыльско-воргольского и липовичского князей. Правда, итоги этих действий плачевны. Население двух русских княжеств было частью перебито, частью пленено, частью разогнано, слободы перестали существовать, Олег

Рыльский и Воргольский и Святослав Липовичский так и не явились на суд Нога. Но весьма показательно то, что, придя во второй раз из Сарайской орды в свое княжество, Олег предложил Святославу ехать оправдываться в своих действиях или к Телебуге, или к Ногаю, признавая тем самым, право последнего на суд князей его "тмы". При третьем возвращении от Телебуги Олег вновь привел с собой татар, с которыми по приказу сарайского хана убил своего родственника Святослава. Причина казни ясна: самовольное двукратное нападение липовичского князя на слобожан Ахмата. Казалось бы, при острой вражде Телебуги и Нога. каждое действие, направленное против Нога. должно было поддерживаться и поощряться Телебугой. Однако это не так. Казнь по его решению князя Святослава Липовичского, врага Нога. и баскака Ахмата, свидетельствует о том, что Телебуга защищал определенные права правителей Курской "области". Становится очевидным, что вражда между Телебугой и Ногаем, о которой много писали и пишут исследователи, носила скрытый характер, она не привела, например, к лишению Телебугой Нога. его курских владений или к открытой войне Нога. против сарайского хана. События в Рыльско-Воргольском, Липовичском и Курском княжествах 1289 — 1290 гг. свидетельствуют о достаточно напряженных отношениях между двумя ордынскими правителями, но каждый из них старался действовать в рамках существовавших правовых норм, и такие действия иногда приводили к защите интересов противной стороны. Более всего в этих событиях пострадали русские князья, общее приниженное положение которых позволяло ордынским правителям расправляться с ними и с их княжествами.

О русских княжествах в системе Курской волости-области нужно сказать особо. Сам Курск стал центром самостоятельного княжества незадолго до нашествия Батыя. В 1226 г. упоминается курский князь Олег, на которого ходил походом великий князь владимирский Юрий Всеволодович с племянниками ростовским князем Васильком и ярославским князем Всеволодом, помогая черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу²⁰⁷. А до этого, в 80-х гг. XII в., Курск, судя по Слову о полку Игореве, был городом трубчевского князя Буй-Тура Всеволода Святославича, который находился в вассальных отношениях с правившим в Новгороде Северском старшим братом Игорем²⁰⁸. В таких же отношениях с новгород-северским князем находился племянник Игоря и Всеволода, княживший в Рыльске Святослав Ольгович²⁰⁹. Рыльское

княжество существовало и позднее. В 1241 г. татары убили "Мстислава Рыльского"²¹⁰. Продолжало ли Рыльское княжество при Мстиславе зависеть от Новгород-Северского княжества, сказать нельзя, потому что сведения о последнем за XIII столетие отсутствуют. Но ясно, что в домонгольский период Курское и Рыльское княжества не зависели друг от друга.

Во времена же баскака Ахмата положение, как показано было выше, стало иным. В Курске уже не было князя, там обосновался баскак, прерогативы которого распространялись и на Рыльское княжество. Очевидно, при передаче представителям ордынской знати покоренных русских земель имела место определенная административно-территориальная реформа, лишь отчасти считавшаяся с территориальным делением русских княжеств в домонгольское время.

Значение самого Рыльска, бывшего в течении нескольких десятилетий стольным городом, в системе Рыльского княжества упало. Вторым центром стал Воргол, что может свидетельствовать как об опережающем росте в татарскую пору городов, ранее даже не упоминавшихся в источниках, так и об общем истощении княжества, в котором прежний центр не мог играть доминирующей роли и возникали предпосылки нового экономического и политического дробления.

Ясным показателем последнего процесса служит образование в послемонгольское время Липовичского княжества. Оно, видимо, было настолько мало и редко заселено, что его князь был вынужден после организации баскаком Ахматом двух слобод в соседнем княжестве нападать на эти слободы, чтобы хоть как-то компенсировать убыль в людях и имущественные утраты.

Очевидно, что в условиях иноземного властвования на русском Юго-Востоке во второй половине XIII в. шли такие же процессы, как в Волго-Окском междуречье: упадок старых центров, появление новых, но еще не могущих сколько-нибудь значительно влиять на общее развитие региона, усиление раздробленности, которую по традиции можно назвать феодальной.

Примечания

1 ПСРЛ Т. XVIII. СПб.. 1913. С. 80.

2 Татищев В. Н. История Российская. Т. V. М.: Л.. 1965. С. 9 — 10.

3 Там же. С. 59.

- 4 ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885, С.162 и вар. Н.
- 5 Татищев В. Н. Указ. соч. Т. V. С. 60.
- 6 ПСРЛ. Т. X, С. 164.
- 7 Там же, С. 165.
- 8 Татищев В. Н. Указ. соч. Т. V. С. 61.
- 9 ПСРЛ. Т. X. С. 165.
- 10 Татищев В. Н. Указ. соч. Т. V. С. 61
- 11 ПСРЛ. Т. X, С. 164.
- 12 Татищев В. Н. Указ. соч. Т. V. С. 61.
- 13 Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. III СПб., 1902. Стб. 201, 205.
- 14 Там же. Стб. 202, 205, ср.: ПСРЛ. Т. X. С. 162. 163.
- 15 Там же. Стб. 206, сноска; Стб. 211, примеч. 27. По Никоновской летописи одежды убитых татарами русских бояр были отданы немецким и византийским купцам, а по другим летописям — просившим милостыню паломникам. М. М. Щербатов полагал достоверным известие последних.
- 16 ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921, С. I — II.
- 17 Щербатов М. М. Указ. соч. Т. III. Стб. 211. примеч. 27.
- 18 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992, С. 81—83.
- 19 Там же. С. 236 (примеч. 166).
- 20 Там же. С. 236 — 237 (примеч. 167).
- 21 Там же. С. 81. Ср.: С. 89, где начинается изложение события 1285 г.
- 22 Там же. О Воскресенской летописи, использованной М. Карамзиным, см. там же. С. 360. № 23.
- 23 Там же. С. 81.
- 24 Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. II, кн. III, отд. 1. М., 1838. С. 54—56, примеч. 409, 413, 415, 417. Свой источник Н.С. Арцыбашев сокращению обозначил литерами Про. Расшифровку обозначения см. там же: Т. I. Кн. I. Отд. 1. М., 1838. С. VII.
- 25 Дмитриева Р.П. Библиография русского летописания. М.;Л., 1962. С. 12. N 32.
- 26 Арцыбашев Н.С. Указ. соч. Т. II. Кн. III. Отд. 1. С. 55. Примеч. 414, 417, 415; Ср. Т. I. Кн. I. Отд. 1. С. III. Характеристику изданий 1793 и 1786 гг. см. Дмитриева Р.П. Указ. соч. С. 15. N 54; С. 7. N 13.
- 27 Арцыбашев Н.С. Указ.соч.Т. II , кн. III, отд. 1. С. 54.
- 28 Там же. С. 55. Примеч. 414
- 29 Там же. С. 55, примеч. 411.
- 30 Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. Т. III. С. 206 — 208. Ср.: ПСРЛ. Т. X. С. 162. 163. 164. 165.
- 31 Соловьев С. М. Указ. соч. Т. III. С. 207.

32 Бунин А. И. Где находились города Липецк и Воргол. а также и другие места, упоминаемые в летописях под 1283—1284 гг. // Труды XI археологического съезда в Киеве 1899 г. Т. II. М., 1902. Отд. 2. С. 66. Примеч. 1.

33 Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962. С. 14. № 50.

34 ПСРЛ. Т. XX. Спб., 1910. ч. 1: Спб., 1914. ч. II.

35 См.: Дмитриева Р. П. Указ. соч., с. 12. № 32. А. И. Бунин, видимо, пользовался вторым изданием этой летописи, вышедшей в свет в 1853 г.

36 Бунин А. И. Указ. соч., с. 71. Ср.: ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 481.

37 Бунин А. И. Указ. соч. С. 70.

38 Там же С. 71.

39 ПСРЛ. Т. X. С. 162.

40 Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол. Глебль. Зартый, Оргош. Сновск. Уненеск. Хороборь // Журнал Миннстерства народного просвещения. 1903. №5. С. 111.

41 Грушевський М. Історія України-Руси. Т. III. У Львові, 1905. С. 153—154; 183—185.

42 Там же. С. 184. Приведенные на этой странице цитаты взяты из Лаврентьевской летописи, ср. ПСРЛ. Т. I. Стб. 482. 481.

43 Грушевський М. Указ. соч. Т. III. С. 154, примеч. 1

44 Там же.

45 Там же. С. 183. Ср. ПСРЛ. Т. X. С. 162.

46 Грушевський М. Указ. соч. С. 185. Ср. ПСРЛ. Т. X. С. 162.

47 Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 17, примеч. 2 (дав здесь ссылку на Симеоновскую и Лаврентьевскую летописи, А. Н. Насонов указал и на Никоновскую летопись, но с пояснением: “позднейший текст, с прибавлениями”). С. 20 и примеч. 3; С. 21 и примеч. 5; С. 65, 70—71.

48 Там же. С. 70, примеч. 3.

49 Там же. С. 71.

50 Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. М., 1953. С. 878. Текст написан В. Т. Пашуто — там же. С. 24.

51 Там же. С. 878, примеч. 3. Ср. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 80.

52 ПСРЛ. Т. I. Стб. 481 и примеч. Г.

53 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966. С. 61. Автор раздела Л. В. Черепнин.

54 Kavyrchine M. Russes et mongols. L'episode du Baskaq de Kursk // Revue des etudes slaves. t. 64, f. 4, Paris, 1992, P. 671—696.

55 ПСРЛ. Т. XVIII, С. 79—81.

56 ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910, С. 92 — 93.

57 ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910. С. 170.

58 ПСРЛ. Т. XXV. М.;Л., 1950. С. 154—156.

59 ПСРЛ. Т. XXVIII. М.;Л., 1962. С. 62; 221—222.

60 ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 97.

61 ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 100—101.

62 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481 — 482.

63 ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1851. С. 176 — 178.

64 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481; Т. XVIII. С. 80.

65 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481, 482; Т. XVIII. С. 80, 81.

66 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482; Т. XVIII. С. 81.

67 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481; Т. XVIII. С. 80.

68 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481.

69 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 80.

70 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482.

71 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 81.

72 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482.

73 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 81.

74 Там же. С. 80.

75 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481.

76 Там же и примеч. б.

77 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79, 80; Т. XXV. С. 154, 155.

78 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79; Т. XV. С. 154.

79 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.

80 ПСРЛ. Т. XXV. С. 155.

81 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 80.

82 ПСРЛ. Т. XXV. С. 155.

83 Там же. Ср. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 80.

84 ПСРЛ. Т. XXV, С. 155.

85 Там же. Ср. Т. XVIII. С. 80.

86 ПСРЛ. Т. XXV, С. 155.

87 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 80—81.

88 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 81; Т. XXV. С. 156; Т. 1. Стб. 482.

89 ПСРЛ. Т. XXV. С. 156; Т. XVIII. С. 81.

- 90 Там же; Там же.
- 91 Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала VIII в. М., 1969. С. 260 — 261.
- 92 ПСРЛ. Т. XXIII. С. 92 — 93.
- 93 Там же. С. 92.
- 94 Kavyrchine M. Op. cit., p. 676.
- 95 ПСРЛ, т. XXVIII. М.:Л., 1963. С. 62, 222.
- 96 Там же. С. 62. ПСРЛ. Т. XX, ч. 1. СПб., 1910. С. 170; ср. ПСРЛ. Т. XXIII. С. 92.
- 97 ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 170; ср. Т. XXIII. С. 92; Т. XXVIII. С. 62, 222.
- Здесь вместо "посла" — "послаша".
- 98 ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 170; ср. Т. XXIII. С. 92; Т. XXVIII. С. 62, 222.
- 99 ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 170; ср. Т. XXIII. С. 92; Т. XXVIII. С. 62, 222.
- 100 ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 170; ср. Т. XXIII. С. 92; Т. XXIII. С. 92; Т. XXVIII. С. 92 (вместо "хотя" — "хотѣль"). С. 222.
- 101 ПСРЛ. Т. XXV. С. 154, 155; Т. XXIV. С. 103 — 104.
- 102 ПСРЛ. Т. XVIII, С. 79.
- 103 Там же.
- 104 ПСРЛ. Т. XXIV. С. 104, вар. 28.
- 105 ПСРЛ. Т. XXV, С. 154, 155, 156.
- 106 ПСРЛ. Т. VII. С. 176, 177 и вар. Ц, 178.
- 107 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
- 108 Там же. С. 81.
- 109 Там же. С. 79.
- 110 ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 97.
- 111 Там же. Т. XXV. С. 154.
- 112 Там же. Т. XXIV. С. 103; Т. VII. С. 176.
- 113 Там же. Т. XVIII. С. 79.
- 114 Там же. Т. XXX. С. 97.
- 115 Там же. Т. XVIII. С. 81.
- 116 ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 4.
- 117 Там же. С. 100.
- 118 Там же. С. 101.
- 119 Там же. С. 100, примеч. 6, Э—Э—1; С. 101, примеч. И, Й.
- 120 ПСРЛ. Т. XXIV. С. 103, вар. 8, 12. С. 104, вар. 11.
- 121 ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 101.
- 122 Там же. С. 4, ср. С. 100, примеч. Ж; Kavyrchine M. Op. cit., P. 676.

- 123 ПСРЛ. Т. X. С. 162 — 165.
- 124 Там же. С. 163.
- 125 Там же. С. 164.
- 126 Там же.
- 127 Там же. С. 165.
- 128 Там же. С. 162, 163, 164. Ср. Т. XVIII. С. 79, 80, 81.
- 129 ПСРЛ. Т. X. С. 164; ср. Т. XXV. С. 155.
- 130 ПСРЛ. Т. X. С. 164; ср. Т. XXV. С. 155.
- 131 ПСРЛ. Т. X. С. 162.
- 132 Кучкин В.А. Повесть о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 135—136, 144—146; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI — XVII веков. М., 1980. С. 152, 155.
- 133 Клосс Б.М. Указ. соч. С. 101—103.
- 134 ПСРЛ. Т. I. Стб. 385, 514. Последнее упоминание восходит к новгородскому источнику — см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.; Л., 1950. С. 74.
- 135 ПСРЛ. Т. X. С. 167, 220; Т. XI. СПб., 1897. С. 60.
- 136 Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. IV. С. 236, примеч. 167. Ср. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79, примеч. 2. С. 80, примеч. 1—6. С. 84, примеч. 1 — 3.
- 137 Насонов А. Н. История русского летописания... С. 277; Кучкин В. А. Указ. соч. С. 99.
- 138 Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод// Известия Отделения русского языка и словесности. Т. IX. Кн. 1. СПб., 1904, с. 412, 417.
- 139 Насонов А. Н. История русского летописания..., С. 376, 389. '
- 140 Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XI. М.: Л., 1955. С. 376, 379; Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 292.
- 141 Клосс Б. М. Указ. соч. С. 51.
- 142 Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 70, примеч. 3.
- 143 Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 115. При определении даты смерти Телебуги Н. Г. Бережков ссылаясь не на первоисточники, а на исследования Лэн-Пуля — Там же, С. 320, примеч. 142.
- 144 Kavutchine M. Op. cit. P. 690.
- 145 Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 74.
- 146 Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 106. (Летопись Рукнеддина Бейбарса).

- 147 Там же.
- 148 Там же.
- 149 Там же.
- 150 Там же С. 76.
- 151 Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896. С. 443 (указана монета Телебуги, чеканенная в Крыму в 686 г. хиджры); Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 132. № 11; С. 158. 146; он же. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1964. С. 214, № 13 в; С. 215, № 126 а.
- 152 ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 892—894.
- 153 Там же. Стб. 891.
- 154 Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства імени Шевченка. В. XLI. У Львові. 1901. С. 53.
- 155 ПСРЛ. Т. II. Стб. 892.
- 156 Грушевський М.С. Указ соч. С. 54—56.
- 157 ПСРЛ. Т. II. Стб. 893.
- 158 Там же. Стб. 897—899.
- 159 Там же. Стб. 892.
- 160 Там же. Стб. 892, 894, 895.
- 161 Там же. Стб. 892.
- 162 Там же. Стб. 895.
- 163 Енуков В.В. К вопросу о локализации древнего Липецка // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993. С. 32.
- 164 Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. Табл. XVI.
- 165 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
- 166 ПСРЛ. Т. I. Стб. 482.
- 167 Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 61 и табл. XVI.
- 168 За эти разъяснения приношу благодарность Г.В.Сумарукову. См. также Сабанеев Л.И. Охотничий календарь. Т. I. М., 1985. С. 94.
- 169 Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 106—108, 156—157.
- 170 Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 69.
- 171 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
- 172 Там же.
- 173 Там же.
- 174 Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. Липецк. 1996. С. 53. О прежних спорах относительно местонахождения древнего Курска см.: Бунин А.И. Указ. соч. С. 66.
- 175 Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. IV. С. 235 (примеч. 166).
- 176 Арцыбашев Н.С. Указ. соч. Т. II. Кн. III. Отд. 1. С. 54. Примеч. 408.
- 177 Бунин А.И. Указ. соч. С. 70.
- 178 Зайцев А.К. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283 — 1284 гг.? // Липецк: начало истории. Липецк. 1996. С. 45.
- 179 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
- 180 Там же.
- 181 ПСРЛ. Т. I. Стб. 481.
- 182 Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. IV. С. 235 (примеч. 166); Арцыбашев Н.С. Указ. соч. Т. II. Кн. III. Отд. 1. С. 54. Примеч. 408.

- 183 Бунин И.А. Указ. соч. С. 68.
184 Kavutçhine M. Op. cit. P. 689.
185 Кашкин А.В. Указ. соч. С.54—55.
186 Там же. С. 55.
187 Зайцев А.К. Указ. соч. С. 45.
188 Там же.
189 Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 36.
190 Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник (по путевым и рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // Советская археология. 1964. N 4. С. 151.
191 Бунин А.И. Указ. соч. С. 71.
192 Зайцев А.К. Указ. соч. С. 46.
193 ПСРЛ. Т. I. Стб. 481.
194 Там же.
195 Липецк: начало истории, приложение, рис. 1.
196 Александров-Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж. 1971. С. 112, 114, 117; Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история юго-востока Руси. Курск. 1991. С. 33.
197 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
198 Это не означает, что на Ахматовы слободы можно полностью переносить их характеристику, данную составителями Никоновской летописи: “быша тамо торгы и мастера всякия” (ПСРЛ. Т. X. С. 162), как это делает В.В.Каргалов, выдавая представления людей XVI в. за реалии XIII в. — Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 156.
199 В летописном повествовании об Ахмате, написанном, скорее всего, русским церковником из Рыльска, кровавые действия этого баскака объясняются его личными качествами — “злехитръ и велми золь” — и принадлежностью к исламу — “бесерменинь” (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.). Последнее дало основание В.Л.Егорову, возможно, под влиянием Н.М.Карамзина, утверждавшего, будто Ахмат был хивинцем, высказать гипотезу о хорезмийском происхождении курского баскака, поскольку мусульманство было распространено в Хорезме, а в Золотой Орде оно “стало государственной религией лишь в XIV в.” — Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII — XIV вв. М., 1985. С. 40. Если придерживаться такого критерия, тогда надо и двух братьев Ахмата, и двух убитых князем Святославом Липовичским татар также считать хорезмийцами, поскольку в летописном тексте они тоже названы бесерменами (ПСРЛ. Т. I. Стб. 482). Однако еще до того, как мусульманство стало государственной религией в Золотой Орде, многие золотоордынцы его исповедывали. Известно, что уже хан Берке принял ислам, его исповедывал хан Туда-Менгу, мусульманином был Ногай, которому подчинялся Ахмат (Тизенгаузен В.Г. Указ. изд. Т. I. С. 55, 68; Т. II. М.;Л. 1941. С. 70.). Очевидно, что среди приближенных этих ханов мусульман было немало, в том числе и из местной знати. Поэтому мысль о хорезмийском происхождении Ахмата не представляется корректной.
200 ПСРЛ. Т. II. Стб. 892.
201 Насонов А.Н. Указ. соч. С. 28. Примеч. 2.
202 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
203 См., например, Акты социально—экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. С. 110 — 111. № 77.
204 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 79.
205 Там же.

206 ПСРЛ. Т. I. Стб. 482.

207 ПСРЛ. Т.I. Стб. 448, под 6734 годом мартовским. О дате см: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 98, 107.

208 Подробная история Курска во второй половине XI — первой половине XIII вв. дана А.К.Зайцевым — см. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975. С. 89-95, 114.

209 ПСРЛ. Т. II. Стб. 638.

210 ПСРЛ. Т. I. Стб. 470, под 6749 г. мартовским. О дате см: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 98.